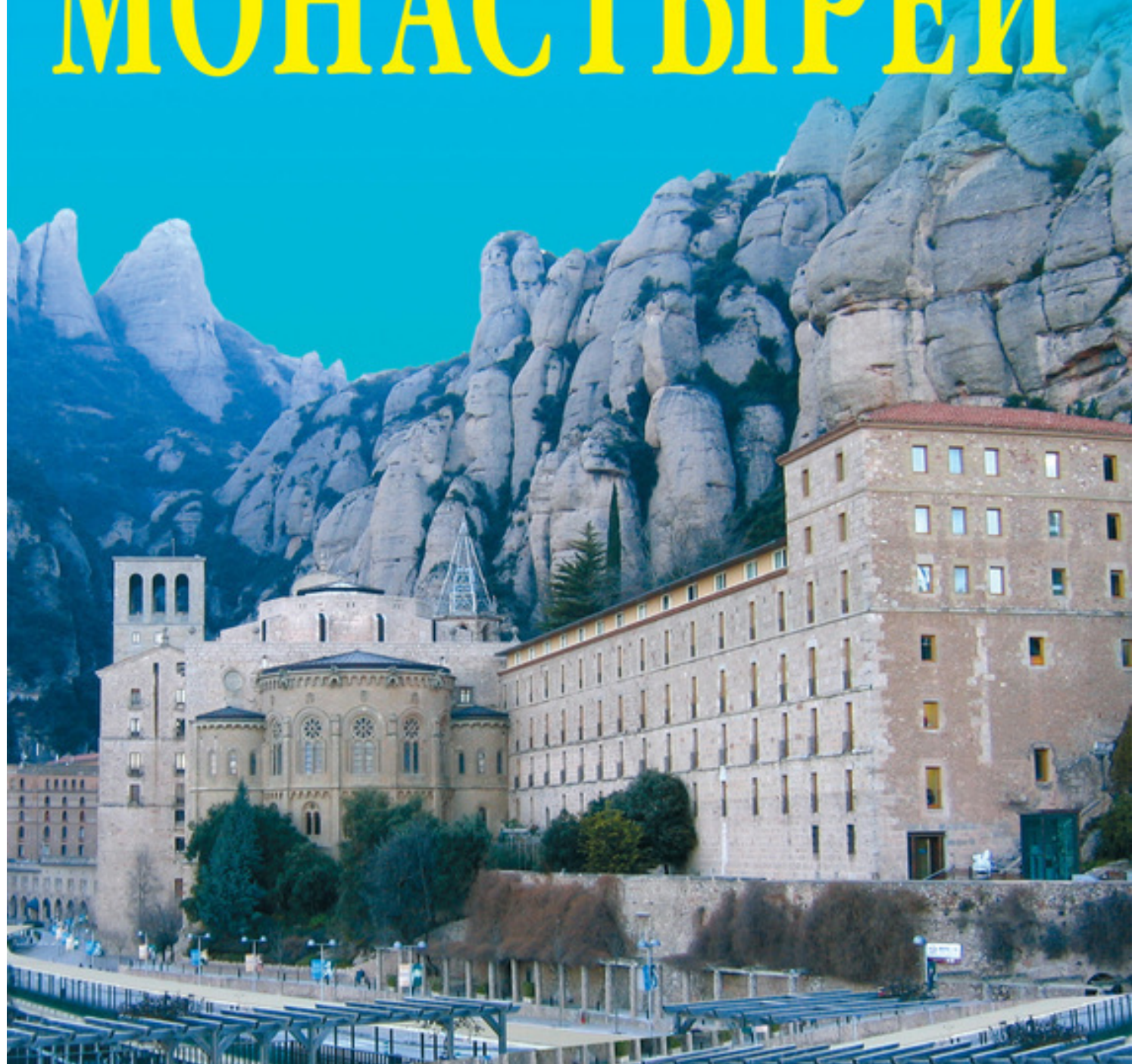

100

ВЕЛИКИХ МОНАСТЫРЕЙ

100 великих (Вече)

Надежда Ионина

100 великих монастырей

«ВЕЧЕ»

2006

Ионина Н. А.

100 великих монастырей / Н. А. Ионина — «ВЕЧЕ»,
2006 — (100 великих (Вече))

ISBN 5-9533-1019-6

Мы привыкли считать, что монастыри и монастырская культура связаны прежде всего с христианской религией. Это, безусловно, так. Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о христианских монастырях, ставших поистине национальными (а нередко и общемировыми) святынями как на католическом Западе, так и на православном Востоке, а также в странах, где существуют так называемые древние христианские Церкви. Но книга повествует и о монастырях буддийских, ведь в традиции этой мировой религии также издревле распространены обычаи создавать центры отшельнического совместного жития, молитвенной практики и хозяйствования, которые по праву именуют монастырями.

ISBN 5-9533-1019-6

© Ионина Н. А., 2006

© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
В ОЛЕНЬЕМ ПАРКЕ САРНАТХА	8
В ДОЛИНЕ КАТМАНДУ	11
ЛЕГЕНДАРНЫЙ ШАОЛИНЬ	15
НА ЕЛЕОНСКОЙ ГОРЕ	19
АББАТСТВО СЕН-ДЕНИ	24
НАЧАЛО МОНАШЕСТВА В ЕГИПТЕ	28
АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ МОНАШЕСТВА	33
ТАВЕНСКИЕ ОБИТЕЛИ ПАХОМИЯ ВЕЛИКОГО	39
ПЕРВЫЕ ЖЕНСКИЕ ОБИТЕЛИ	44
ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ – ПАТРИАРХ ВОСТОЧНЫХ МОНАХОВ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Надежда Алексеевна Ионина

100 великих монастырей

«Сто великих»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

ВСТУПЛЕНИЕ

Людям светским трудно бывает понять, что побуждает человека уйти от мира и добровольно стать монахом. За монастырской стеной стихают звуки привычной жизни с ее радостями, волнениями и бурлящей суетой. Здесь главным и единственным смыслом бытия становится молитва – путеводная звезда монаха, ведь и само слово «монах» в переводе с греческого означает «одинокый».

Существенное делание монаха – молитва, которая соединяет человека с Богом, и если сказать, что «монахи в монастырях молятся», то о них было бы уже сказано самое главное. Все прочие делания являются или подготовительными, или способствующими средствами для молитвы или даются тем, кто по нравственной немощи или недостатку каких-либо способностей не может всецело заниматься молитвой. Преподобный Марк Подвижник говорил по этому поводу: «Не могущим претерпевать в молитве, хорошо находиться в служении (заниматься трудами и рукоделием в послушании), чтобы не лишиться того и другого. Но тем, которые могут, – лучше не радеть о лучшем». А святой Иоанн Лествичник называл молитву «матерью всех добродетелей».

Основной смысл бытия каждой обители заключается в ее бодрствующем стоянии перед Богом. В суете обыденной жизни многое пленяет ум и сердце грешного человека, отвлекая на себя все его внимание. В монастыре же мысль всегда обращена к Богу, и существует она как явление чистой, религиозно-духовной жизни.

Многие русские монастыри, будучи основаны по закону истины (слезами, постом и молитвами), составляют славу Русской Православной Церкви. В стенах и под стенами таких обителей совершилось много событий, которые имели важное значение для судеб России. Много их было на Святой Руси: больших и малых, мужских и женских, знаменитых и почти неизвестных, городских и сельских. Одни были открыты всякому паломнику, другие прятались от мирской суеты в лесах и пещерах. Для простого человека и знатных вельмож, крестьян и дворян открывались монастырские врата, войдя в которые, человек начинал новую и совсем другую жизнь. Все здесь помогало ему преобразить себя, избавиться от тяжести грехов, шаг за шагом взойти на небесную высоту уподобления Богу.

На Западе же монастыри выполняли еще и множество социальных функций, которые в Средние века никто, кроме монахов, не мог и взять на себя. Например, французский исследователь повседневной жизни средневекового монашества Лео Мулен совершенно ясно указывает, что монастыри играли определенную роль и в поддержании самой веры. По его словам, «это было время верований, суеверий и ханжества... подчас обязательных паломничеств, крестовых походов с сомнительными целями, социально-мистических кризисов и разного рода пророчеств». А Туссер добавляет, что «в сердцах людей присутствовала набожность, но, похоже, не приносила истинности в души... Религиозное усердие было эфемерным, спонтанным и поверхностным». Никого не смущали богохульство и самые грязные ругательства. Во время мессы переговаривались, смеялись, перешептывались... Даже паломничества были весьма далеки от того, чтобы способствовать спасению души. Нередко они совершались не ради исполнения обета или искупления грехов, а скорее ради удовлетворения «туристического» любопытства или даже ради любовных приключений. Поэтому деятельность средневековых аббатств, которые были центрами духовной жизни, воспитывала в людях самоконтроль и охраняла христианство, которому постоянно грозила беда. Монастыри были еще и тем щитом, благодаря которому города были защищены, а враги не раз отброшены. Монашество поддерживало жизнь веры, и благодаря ему вера выжила. Благодаря их усилиям (какими бы иногда ни казались монастыри) возвысилась народная вера, люди стали почитать местных святых и

реликвии. Проповедь покаяния и личные примеры монахов подталкивали грешного человека обратиться с сокрушенной молитвой к Богу, раскаяться и исповедаться.

Единственная и подлинная цель монашеского делания – спасение души, но в обителях развивалась и «монастырская культура» – книжность, зодчество, иконопись, бытовой уклад. Несмотря, казалось бы, на оторванность от мира, монастыри основывали свои учебные заведения, которые отличались от кафедральных и сельских школ. В монастырских школах особое значение придавали обучению грамоте и другим гуманитарным наукам. В Средние века существовало много легенд о монахах-переписчиках, причисленных к лику святых. Например, в одном предании говорится, что шотландскому монаху Марнану вместо забытых свечей всегда светили три пальца левой руки. В другой легенде рассказывается об одном грешном монахе, которому каждая написанная им из священного текста буква засчитывалась вместо совершенного греха. А рука другого монаха, много переписавшего на своем веку, после смерти его долгое время сохранялась нетленной и почиталась в монастыре как реликвия.

Высокие глухие стены отделяют монастырь от мира. Там, за этими стенами, протекает жизнь – иная, не известная, не понятная непосвященным. Черные одежды монахов и монахинь скрывают от посторонних взглядов мысли и чаяния реальных людей, о которых мы мало знаем. Истинный повод основания обители нередко остается скрытым за дымкой красивой легенды. Но с момента устройства монастыря его жизнь становится неотделимой от жизни и истории той земли, на которой он стоит. При известной общности картины возникновения и развития монастырей каждый из них имеет свою собственную судьбу и свой внешний облик, складывавшийся тысячелетиями. Святой Игнатий Брянчанинов по этому поводу писал, что «жизнь монашествующих есть показатель того, что происходит в мире».

Каждое доброе дело для истинно верующего должно начинаться с благословения Божьего, только тогда оно может быть успешным: «Без Меня не можете творить ничего» (Ин. 15, 5). Пусть милосердие Господне не отринет стремления души нашей при составлении этой книги. Может быть, она заинтересует читателя и вызовет у него желание поближе познакомиться с взглядами и размышлениями тех, кто устраивал монастыри не внешней только мудростью, не одной лишь доброй волей, но молитвенными подвигами и многими скорбями, пройдя через долгую и упорную борьбу с «врагом рода человеческого» и через мучительные искушения – внешние и внутренние. Не случайно в обителях, ставших крепким и надежным прибежищем для спасающихся, каждая пядь земли, каждый камень стенной кладки и каждое посаженное дерево политы потом и слезами, освящены верой и молитвой.

В ОЛЕНЬЕМ ПАРКЕ САРНАТХА

Буддисты всего мира стремятся побывать в местах, связанных с Буддой, и одно из таких мест – Сарнатх, где Учитель обратился со своей первой проповедью. Сарнатх расположен в десяти километрах от древнего города Варанаси, который стоит на берегу Ганга.

В Олений парк Будда прибыл после своего озарения, случившегося в Бодхгайе. В Сарнатхе его встретили пять монахов, перед которыми он выступил со своей проповедью. Основные положения учения Будды отражены в источниках, относящихся к III–I вв. до н. э. и указывающих путь к спасению. Сильно упрощая, скажем, что всякое существование в видимом и осязаемом нами мире (согласно учению Будды) является иллюзорным и от рождения несет на себе печать страдания. Страдание не прекращается и после смерти человека, поскольку его ожидают новые перевоплощения, формы которого определяются делами и мыслями человека как в нынешней жизни, так и в предыдущей.

1. Человеческий мир полон страданий. Жизнь, старость, болезнь, смерть, встреча с неприятным человеком, разлука с любимым, недостижимость желаемого, всякая привязанность к чему-либо – все страдание.

2. Страдания вызываются мирскими страстями, которые своими корнями уходят в сильные желания, в жажду их.

3. Если уничтожить корни желаний и освободиться от привязанности, исчезнет и страдание.

4. Чтобы достичь свободы от страданий, нужно следовать по пути из восьми правил (т. е. сделать правильными свои взгляды, мышление, слова, дела, образ жизни, стремления, память и сосредоточение).

Состояния свободы от мирских страстей можно достичь только через просветление, а оно, в свою очередь, – через восемь правил правильного пути. Кто не постигнет четырех благородных истин, будет долго блуждать в потемках. Тот же, кто хочет следовать учению Будды, должен всеми своими силами стремиться к тому, чтобы правильно постичь эти благородные истины. Когда человек постигнет их, он впервые освободится от желания, перестанет спорить с людьми, грабить, убивать, воровать, прелюбодействовать, обманывать и т. д. Он всегда будет помнить о бренности существования, что не даст ему сбиться с правильного пути.

Тот, кто хочет следовать такому учению, должен избегать двух крайних образов жизни: 1) предаваться своим низменным желаниям и поддаваться им; 2) вести аскетическую жизнь, изнуряя свое тело и душу.

Буддийские хроники повествуют, что в своей первой проповеди Будда говорил о срединном пути к достижению нирваны, который открывает духовные глаза, развивает разум и ведет к просветлению. Отказавшись от крайностей, человек избавляет себя от страданий и открывает себе путь к царству мудрости и достижению нирваны. Закончив проповедь, Будда обратился к самому старшему из монахов, которого звали Каудинья: «Понял ли ты мои слова?» Пожилой монах ответил утвердительно, став, таким образом, первым учеником Будды. Его стали называть «Каудинья, который ведает обо всем». Позже и четверо других монахов поняли и приняли учение Будды, а вскоре после проповеди в Сарнатхе число его учеников быстро возрастало.

Через ухоженную лужайку паломники могут подойти к ступе Дхамекх, построенной, по утверждениям, в V в. Во время реставрационных работ было установлено, что фундаментом ей служила кирпичная кладка другой ступы, относящейся ко II в. до н. э. Далее дорожка ведет к фундаменту древнего буддийского монастыря. Перед центральным храмом стоят развалины колонны императора Ашоки, которая была выполнена в виде четырехглавого льва, ставшего государственным гербом современной Индии¹. Нижняя часть колонны украшена изображениями льва, слона и лошади: лев олицетворяет храбрость, слон приснился Махаме (Майе – матери Будды) накануне его рождения; а на лошади, оставив свой дом, он уехал на поиски божественного озарения.

Как свидетельствуют буддийские хроники, Майя происходила из касты кшатриев (воинов) и была супругой короля Шуддходаны, правившего в Капилавасту. Однажды ей приснился чудесный сон: будто боги (стражи четырех стран света) перенесли ее на ложе в Гималайские горы и оставили здесь под тенистым деревом. Затем явились богини (супруги тех богов, которые омыли ее в священном озере Анаватапта и одели в небесные одежды. Когда она вновь взошла, вдруг явился белый слон и вошел в ее правый бок.

На следующий день созвали брахманов, чтобы те попытались разгадать значение дивного сна. И мудрецы объявили, что Майя зачала и родит либо правителя всего мира (если он останется в мире), либо Будду (если он станет отшельником). Когда пришло время родить, Махамая отправилась в загородный дом. И здесь, стоя под деревом, она родила сына, который чудесным образом вышел из ее правого бока.

Слово «будда» с санскрита или с пали может быть переведено как «тот, кто был разбужен», а в религиозном контексте – «тот, на кого снизошло озарение». В III в. до н. э. на месте, где Будда прочитал первую свою проповедь, царь Ашоки построил ступы и другие культовые здания. В то время тут уже действовал крупный монастырь, в который позже стали приезжать из других стран для работы над переводами священных книг и занятий медитацией.

В V–VII вв. Сарнатх посетили китайские путешественники Фа Сянь и Сюань-цзан, которые в своих путевых заметках указали, что в монастыре тогда жило не менее 1500 монахов. Китайцев поразила и высота самой крупной ступы – 100 метров.

В XIII в., с приходом мусульман, буддизм в Индии утратил свои прежние позиции, и многие монастыри и университеты были разрушены. Не пощадили завоеватели и буддийские святыни в Сарнатхе. Могольский император Акбар в XVI в. возвел памятник своему отцу Хумаюну прямо на фундаменте разрушенной ступы.

Возрождение буддийских святынь в Сарнатхе началось лишь в XIX в. В 1836 г. английские археологи провели здесь первые раскопки, а строительными и реставрационными работами занялось общество индийских буддистов «Махабода». В начале XX в. был восстановлен Олений парк, в котором сейчас пасется несколько десятков оленей, как это было и во времена Будды.

Буддисты Мьянмы, Японии и Тибета построили в Сарнатхе свои монастыри, и теперь там везде можно увидеть оранжевые одежды тибетских лам, японских и мьянмских священнослужителей.

---

¹ Капитель колонны сейчас находится в музее Сарнатха.

В ДОЛИНЕ КАТМАНДУ

Почти в самом центре королевства Непал расположилась небольшая межгорная котловина, которую называют «долиной Катманду» (или Большой долиной). Это историческое ядро государства, жизненный центр Непала. Долина Катманду была населена давно; сами непальцы говорят, что произошло это, когда святой Манджушри спустился однажды с северных рек и выпустил воду из огромного и глубокого озера, которое было на месте Долины.

«До этого в озере жили змеи-наги, и был у них свой раджа, которого звали Каркотак. Озеро было красивым, и прекрасны были зеленые горы, круто поднимавшиеся над ним со всех четырех сторон. В озере росли всякие растения, но не было среди них самого прекрасного – лотоса.

Однажды пришел к озеру будда Випасви, бросил в него корень лотоса и сказал: «Когда этот лотос зацветет, тогда появится здесь в виде пламени сам бог Свайямбху. Уйдет из озера вода, оно станет долиной, и поселятся в ней люди. И будут они благодарны Будде».

Прошло много-много лет. На озере уже плавали листья лотоса, но сам он не цвел. И вот однажды все вокруг озарилось разноцветным пламенем из пяти языков: это вместо лепестков обещанного лотоса заплясало живое пламя небесной красоты.

Узнал об этом Будда Сидхи и обрадовался: «Появился в озере бог Свайямбху». Позвал он своих многочисленных учеников, пошел с ними к озеру, и обошли они его три раза. Отдохнув на вершине одной из гор, будда Сидхи предсказал великое будущее долине, которая пока еще лежит под водой. А потом попрощался с учениками своими и покинул этот мир, погрузившись в озеро и слившись воедино с богом Свайямбху.

Интерьер храма Свайямбхунатх в долине Катманду

Прошло еще много лет, и пришел к озеру другой Будда – Висамбху, который тоже привел с собой много учеников и сказал им, что в нужное время придет из Гималаев бодхисаттва Манджушри и выпустит из озера воду. И когда наступило назначенное время, подошел Манджушри к самым низким горам, что окружали озеро, взял свой меч и одним ударом прорубил проход в горах. Хлынула в ущелье вода, обнажилось дно озера и образовалась Большая долина.

Ученики Манджушри поселились в Долине и построили на горе, где когда-то размышлял первый Будда, ступу в честь бога Свайямбху.

Три города – Катманду, Патан и Бхактапур – сгрудились в Большой долине и растут, постепенно приближаясь друг к другу. Храмы-монастыри этих городов посвящены либо Будде, либо индуистским божествам, но есть среди них и смешанные обитатели, в которые с одинаковым правом могут прийти и буддисты, и индуисты. Одним из таких священных мест является ступа Свайямбхунатх, возведенная примерно за 100 лет до н. э.²

Буддийские монастыри (ват) представляют собой традиционный (даже стандартный) комплекс сооружений. В него включаются собственно храмовые постройки, а также библиотека, школа начальной ступени, жилища для монахов и паломников, хозяйственные постройки и кладбище. Обязательным в комплексе ват является хоконг («барабанная вышка») – невысокое строение с лесенкой, по которой поднимаются на площадку, с перилами и крышей. На этой площадке помещаются барабан и колокол, возвещающие о времени суток и часе богослужебный церемоний.

Ступа храма Свайямбхунатх с позолоченным куполом расположена наверху – на ровной площадке. К ней ведет лестница, у начала которой по обеим сторонам сидят огромные каменные Будды. Правая рука его (непропорционально большая) покоится на колене; левая согнута в локте, ладонь лодочкой вверх – под грудью.

В центре верхней площадки, тесной от сооружений невиданной формы, и разместилась ступа в честь бога Свайямбху³, стоящая на высоком лесистом холме. Внешне она представляет собой белое куполообразное здание, увенчанное кубом и золоченым конусом. На четырех сторонах куба красной, черной и серыми красками нарисовано по два глаза с бровями-полумесяцами и нос в виде вопросительного знака.

Глаза – это всевидящее око Будды: правым глазом он испускает огонь, левым охватывает все на земле, а изображенная между бровями точка – это третий глаз Будды, знающий, чего хочет на земле каждый. Вопросительный знак – тайна для людей, населяющих этот мир.

Ступу окружают «часовенки», маленькие храмы, навесы и т. д., а на каменной стене у основания ее установлено особое приспособление, в которое вставлено множество медных молитвенных цилиндров. На их почерневших боках – выпуклые изречения на санскрите; внутри цилиндров находятся пачки листков с текстами молитв. Можно не уметь читать священные тексты – достаточно повернуть молитвенный барабан, и все заключенные в нем молитвы полетят к небу. Поэтому около барабанов-цилиндров размеренной поступью ходит монах и правой рукой поворачивает их.

На восточной стороне от ступы – кольцо домов, в которых живут монахи. Среди них выделяется нежилая постройка с просторным входом. Через распахнутые двери видна громадная фигура Будды, сидящего на возвышении. На ней, кроме каменной одежды, есть еще и одежда из материи. Полуприкрытые глаза Будды смотрят на приношения, которые паломники складывают у его скрещенных ног: в медных кувшинах стоят живые цветы, рядом лежит горка риса, в медных плошках горит масло...

На крышу самого храма ведет внутренняя кирпичная лестница; на крыше живут монахи (иногда один), давшие обет прожить здесь по несколько лет. Укрытием им служит легкий шалаш, питаются они на подаяния, зимними вечерами обогреваются возле небольшого костра. В день рождения Будды к Свайямбхунатху устремляются тысячи паломников, и тогда вся верхняя площадка ступы украшается флажками. На стенах домов вывешиваются ветхие (и потому особенно ценные) парчовые полотенца с ткаными изображениями сцен из жизни Будды – со дня его рождения и до момента просветления и достижения нирваны. На северной стороне

---

² Считается также, что первоначально здесь было совсем другое здание.

³ Буддисты также считают, что посвящена она бодхисаттве Манджушри – хранителю долины Катманду, а индуисты – что посвящена она богине Сарасвати (супруге бога Вишну).

площадки в дни праздников устанавливают в два ряда, лицом друг к другу, все знаменитые статуи Будд со всего Непала.

И хотя день рождения Будды отмечается очень торжественно, но это ни в какое сравнение не идет с пышностью праздника Саммек, отмечающегося один раз в 12 лет. Его празднуют с доисторических времен в разных уголках мира; много раз местом торжеств становился Непал – одна из священных стран, т. к. в ней находится Лумбини – место рождения Будды.

Главной идеей праздника Саммек являются братство и равенство всех людей независимо от цвета кожи и религии, о чем в одной из своих проповедей провозгласил Будда Гаутама.

Выше говорилось, что храм Свайямбхунатх почитается и буддистами, и индуистами. И действительно, для представителей каждой из этих религий (и даже для их ответвлений) здесь есть свой уголок. Например, при входе на каменную площадку храма буддист видит 5 каменных, покрытых медью скульптур Будд – прошедших, настоящих и будущих. Для тибетского ламы здесь стоят столбы с тибетскими надписями: «О, жемчужина в лотосе!» – священное заклинание, ведущее к очищению души. Здесь же, слева от лестницы, расположена золотая беседка Ваджра с барабаном, вокруг которого выбиты циклы тибетского календаря.

Справа от лестницы стоит колонна Мандапам, посвященная тантрам (священным заклинаниям). Около колонны – огромный каменный колокол, в котором спрятана тайна тантр.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ШАОЛИНЬ

В наши дни знаменитый монастырь Шаолинь не так-то просто отыскать среди множества магазинов, харчевен и спортивных школ, на несколько километров растянувшихся вдоль дороги. А начиналось все в почти незапамятные времена, когда китайское искусство «ушу» разделилось на две большие ветви: даосскую, которая положила начало школам так называемого «внутреннего» (или «легкого») направления, и буддийскую, которая сама вышла из всемирно знаменитого монастыря Шаолинь. В течение столетий эти школы, в свою очередь, дробились и умножались, мастера сменяли друг друга, усложнялась техника «ушу», но конечной его целью неизменно оставалось духовное совершенствование человека.

Шаолинь – обитель в заповедном лесу

Легендарный монастырь, и поныне существующий на севере Китая (в провинции Хэнань), по праву считается колыбелью академических воинских искусств «внешнего» стиля. Слава этой обители многие века гремела по всему Востоку, хотя подлинная история монастыря и населявших его монахов-воинов мало кому известна. Долгое время считалось, что эта обитель – единственная, но оказалось, что есть и другие «Шаолини». Неподалеку от города Гуанчжоу (в провинции Фуцзянь), в середине VIII в. – через 100 лет после возведения первого Шаолиня – был построен второй. Оба монастыря поддерживали между собой тесные связи⁴, но, как выяснилось, был и третий «Шаолинь», тоже располагавшийся на севере Китая – на берегу озера Хунлун (построен в 1341 г.). У ученых есть предположения, что он являлся одним из филиалов главной обители. Но и это еще не все: два небольших «Шаолиня» существовали

---

⁴ Второй «Шаолинь» был разрушен маньчжурами, и на его месте впоследствии была устроена новая обитель – Душан.

в провинциях Гуандун и Сычуань, ведь в Средние века слава о центральном монастыре вышла далеко за пределы Срединного царства, что привело к созданию подобных обителей в других странах. Но своей немеркнувшей славой Шаолинь обязан первому – главному монастырю.

В Северном Китае, к западу от древней столицы Лоян, раскинулся горный массив Хаошань. В начале III в. здесь нашла убежище группа буддийских монахов, которые поселились на неприступной скале Сун и начали воздвигать монастырь-крепость, который бы защитил их от войск враждующих между собой феодалов и от свирепых разбойников, наводнивших всю округу. Построив при помощи местных крестьян храм, они обнесли его массивной каменной стеной, на вершине горы посадили молодые сосенки, которые со временем разрослись и стали надежной защитой от ветров, к тому же от них произошло и название монастыря: «шаолинь» – молодой лес.

Чтобы обеспечить безопасность монастыря и другими средствами, настоятель обители Чхоу Цзинь пригласил в Шаолинь двух мастеров воинского искусства – Гунь Сувэя и Хэн Гайчжана, которые должны были обучать охрану боевым приемам. И через некоторое время монастырская братия имела уже небольшой, но действенный воинский отряд. Однажды, когда большая шайка разбойников в надежде на легкую добычу напала на Шаолинь, монахи не только отразили их натиск, но и гнали нападавших до самого их логова, где захватили богатую добычу. После этого по всей Поднебесной поползли слухи о горной обители, осененной благодатью.

В V в. Шаолинь был уже главным буддистским центром государства Северная Вэй; старое здание его было перестроено, монахам созданы все условия для занятия боевыми искусствами. В 426 г. по указу императора, посетившего монастырь, были возведены новые фортификационные сооружения; кроме того, император распорядился оставить в обители гарнизон охраны. Отныне монахам уже не нужно было самим день и ночь нести караульную службу и изнурять себя изучением сложнейших приемов рукопашного боя. Погрузившись в изучение глубин буддизма, они надолго отошли от практики «ушу», и почти на 100 лет традиции монастырского рукопашного боя были преданы забвению.

Возрождение славы Шаолиня связано с именем сурового подвижника и неутомимого проповедника Бодхидхармы (Бодо, а по-китайски Дамо). Сын индийского раджи, он с небольшой группой единомышленников прибыл в Китай в 520 г., но не нашел общего языка с правителем государства Северная Вэй, которого хотел наставить на истинный путь. Тогда Дамо удалился в Шаолинь и долгие годы прожил в монастыре в добровольном затворничестве: 9 лет он неподвижно просидел под сводами пещеры-гроты, созерцая в процессе самопознания каменную стену.

Во времена Дамо по дорогам стран Востока бродили толпы странствующих монахов, которые жили, в основном, подаяниями. И тем не менее на свои личные нужды или на нужды храмов они собирали немало средств, которые привлекали внимание разбойников, солдатских патрулей или просто хулиганов из близлежащих деревень. И если купеческие караваны в ту пору довольно хорошо охранялись, то монахам надеяться было не на кого. Но со временем положение изменилось: мобилизация скрытых возможностей человеческого организма дала шаолиньским инокам невиданное прежде могущество. И многие охотники до чужого добра предпочитали скорее встретиться с отрядом себе подобных или с солдатским патрулем, чем с одним монахом из Шаолиня.

Во времена Дамо в монастыре появились профессиональные преподаватели воинских искусств, и толпы послушников устремились в святую обитель в надежде овладеть не только книжной премудростью, но и секретами рукопашного боя. Среди новообращенных оказался и бывший предводитель отряда наемников Мэн Чжан по прозвищу Рыжий Лис. Решив пережить смутные времена за крепкими стенами монастыря, он усердно изучал сутры и столь же усердно орудовал кулаками. Вскоре монастырская братия избрала Мэна настоятелем обители, что принесло Шаолиню немало выгод. Он сумел убедить инок, что залог процветания

монастыря в его богатстве, поэтому монахи стали взимать тяжкие налоги не только с крестьян. Они брали огромные пошлины с проезжавших купцов, а окрестных феодалов заставляли жертвовать огромные суммы на алтарь Будды. За 30 лет правления Рыжего Лиса сокровищница монастыря заметно пополнилась, а вот моральные устои его насельников сильно пошатнулись. Впрочем, Мэн ввел строгую систему приема послушников, т. к. не хотел допускать в общину чужаков.

Не желая ни в чем зависеть от светских властей, он со временем отказался от солдатского гарнизона, который защищал монастырь, и сформировал из монастырской братии ударный отряд. Приняв на себя обязанность защищать (за немалую мзду!) местных жителей от нападений разбойников, питомцы Шаолиня уничтожили все окрестные шайки и установили свои порядки. Однако внутри самого монастыря не все обстояло благополучно: братия раскололась на два враждующих лагеря, и в 612 г. одна группировка вынуждена была оставить обитель. Но подосланные ею лазутчики подожгли монастырскую сокровищницу; по преданию, в огне сгорело много дорогих тканей, свитков и рукописей. А вот все реликвии, относящиеся к Дамо, уцелели.

Первые настоятели Шаолиня разработали и монастырский устав, который на протяжении нескольких веков неукоснительно соблюдался и в других обителях. Монахи вставали в 5 часов утра и в любое время года и в любую погоду два часа медитировали на открытом воздухе. Несколько наставников ходили между рядами и ударами бамбуковых палок будили тех, кто начинал дремать. Вслед за медитацией шли разминка и выполнение комплекса гимнастических упражнений; большое внимание уделялось водным процедурам и массажу, которые проводились в специальных павильонах.

После легкого завтрака несколько часов отводилось для теоретических занятий: чтения сутр, религиозно-философских диспутов и т. д. Рукопашный бой рассматривался как продолжение религиозной практики, как своего рода активная медитация, ведущая к Прозрению. Обучение воинским искусствам основывалось в Шаолине на пяти принципах, составивших впоследствии фундамент всех школ «ушу»:

- постепенно наращивать нагрузки, не допуская срывов;
- заниматься усердно и непрерывно в течение всей жизни;
- соблюдать умеренность в пище и не есть мяса, воздерживаться от алкоголя и распутства;
- при любых обстоятельствах соблюдать спокойствие и невозмутимость, помня о единстве жизни и смерти;
- соблюдать ритуал и следовать установленным традициям.

Вечерние часы в монастыре обычно отводились медитации, философским беседам и диспутам, но молодые люди могли тренироваться до поздней ночи.

В ранних воинских искусствах преобладали жестокость и сила, но в Минскую эпоху взгляды на «ушу» изменились. Идею «силы, побеждающей силу», сменила более гибкая система, и мастера все охотнее стали прибегать к различным отвлекающим маневрам и хитростям.

Не бойся яростной схватки и помни:
Малым можно победить великое...

Эти и другие заветы патриархов Шаолиня легли в основу бесчисленных школ и ответвлений «ушу», возникших и в самом Китае, и за его пределами. В уезде Дэнфэн существует около 70 монастырей, но всемирно известен, как говорилось выше, только Шаолинь, особенность которого определяется его связью с основателем чань-буддизма и с участием в событиях в борьбе за власть в Китае на протяжении более чем 1000 лет. В настоящее время в Шаолине

около 70 монахов, из которых чуть больше половины – усэн, т. е. занимающиеся «ушу». Из числа усэн традиционно выбирается и настоятель монастыря.

В Шаолине много достопримечательностей, но главной является пещера-грот, о которой говорилось выше. Путь к ней неблизкий, ведь она расположена почти на самой вершине горы, но вся дорога туда вымощена камнем, а в особо трудных местах устроены ступеньки. За пещерой ухаживают монахини из монастыря «Могила одного патриарха». На вершине горы выстроена и традиционная беседка, а недавно установили огромную статую Дамо, выложенную из камня. С высоты открывается прекрасный вид на горную долину Суншань.

Еще одной реликвией Шаолиня является «плащаница Бодхихармы», которая находится в одном из павильонов монастыря и представляет собой каменную плиту с запечатленным на ней профилем святого.

НА ЕЛЕОНСКОЙ ГОРЕ

Масличная (Елеонская) гора, получившая свое название от оливковых садов, которые растут здесь и по сей день, расположена в восточной части Кедронской долины. Еще царь Давид ходил по этой горе босой, оплакивая первенца своего Авессалома. И пророк Иезекииль видел над Елеонской горой херувимов с крыльями, и колеса, и славу Божию. А пророк Захария так вещал о горе Елеонской: «Тогда выступит Господь и ополчится против этих народов, как ополчился в день брани. И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая перед лицом Иерусалима к востоку; и раздвоится гора Елеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, а половина ее – к югу» (Зах. 14, 3–4).

Елеонская гора часто упоминается в Священном Писании в связи с последними днями жизни и земного служения Иисуса Христа. Спаситель проходил ее, когда шел к Иерусалиму: «И когда приблизился к Виффагии и Вифании, к горе, называемой Елеонскою, послал двух учеников Своих» (Лк. 19, 29). Иисус Христос часто посещал гору Елеонскую и любил там уединяться в ночное время для молитв. На этой горе Он дал людям образец молитвы – «Отче наш», с этой горы Он вознесся на небо...

Вознесение Господне. Икона

Блаженный Иероним, писатель IV в., упоминает в своих сочинениях, что в древние времена гора была заселена отшельниками, которые обитали в ее пещерах и расщелинах. И в настоящее время на склонах Елеонской горы расположилось несколько монастырей и обителей. Так, через дорогу от часовни Вознесения находится монастырь преподобной Пелагии, устроенный в V в. во имя бывшей антиохийской актрисы, принявшей христианство под воздействием проповедей святого епископа Нона и ушедшей на покаяние под именем монаха Пелагия в одну из еврейских гробниц на Елеоне. Ныне ее гробница находится во владении мусульман.

Евреи считают, что в этой пещере в VII в. жила пророчица Хульда, мусульмане почитают эту пещеру как место жительства святой Рабийи аль-Адавийи (VIII–IX вв.). Пещера преподобной Пелагии примыкает к ограде часовни Вознесения, сам же монастырь, как указывалось выше, расположен через дорогу.

В начале 1990-х гг. греки построили при монастыре двухэтажный храм, но верхний этаж его был варварски разрушен израильтянами. В этом храме находятся святыни: чудотворный образ Спаса-Вседержителя, Который явил Свое заступничество при разгроме храма. В нем много также мощевиков и святой крест, по преданию, принадлежавший равноапостольной царице Елене.

Малая Галилея – православный монастырь. Это место на Елеоне дважды упомянуто в Новом Завете (Мф. 26, 16; Деян. 1, 11) как «Галилея», поскольку считается, что оно является местом проживания галилеян, приезжавших на праздники в Иерусалим. Здесь Иисус Христос после Своего Воскресения явился ученикам Своим (Лк. 24, 36; Мк. 16, 14; Ин. 20, 19; Деян. 13, 31). Здесь же Пресвятой Богородице, по преданию, явился архангел Гавриил и возвестил о Ее Успении.

«Малая Галилея» является летней резиденцией Иерусалимского патриарха. В 1230 г. в монастыре под открытым небом был возведен храм, посвященный явлению Христа апостолам. Вокруг алтаря храма построена загородка, над алтарем – крыша. Храм стоит на месте древней византийской церкви, остатки которого видны вокруг алтаря. В храме три придела: Панагии, святителя Николая и святой Марии Магдалины.

На территории монастыря расположен еще один небольшой храм – в память явления Пресвятой Богородице ангела Гавриила перед Ее Успением. Рядом с храмом находится могила архимандрита Серафима, который привез в Иерусалим мощи Великой княгини Елизаветы Федоровны и инокини Варвары.

Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на горе Елеон был устроен в честь Вознесения Иисуса Христа – на самой высокой точке горы на участке, купленном в 1870 г. архимандритом Антонином (Капустиным) – главой Русской духовной миссии в Иерусалиме. Сначала участок обнесли каменной стеной, засадили оливковыми деревьями и смоковницами, а затем приступили к сооружению храма. Однако быстрому окончанию этого доброго дела мешал недостаток средств, но настойчивость и терпение архимандрита Антонина и здесь сделали свое дело.

В 1885 г. на Елеон был доставлен большой колокол, и тогда же архимандрит Антонин бросил клич русским людям о построении при храме колокольни, которая стала называться «Русская свеча». Звонница, высота которой равняется 64 метрам, была спроектирована итальянским зодчим А. Ламбрадорно. «С высоты ее, – писал отец Антонин, – наблюдатель видит, как на ладони, Мертвое море и Заиорданье, а при помощи бинокля, в ясную погоду, – даже синеву Средиземного моря. Мощный звон ее колоколов оглашает всю гору и даже Иерусалим, громко свидетельствуя иноверцам об успехах русского дела в Палестине, а истинно русским людям доставляя несравненное духовное наслаждение».

При жизни архимандрита Антонина на Елеонской горе появились также двухэтажный дом с музеем, обширные приюты для паломников и множество других сооружений с тенистыми сводами и цветниками. А после его кончины был устроен женский монастырь (1906 г.). В настоящее время он принадлежит Русской православной зарубежной церкви. В состав монастыря входят: собор Вознесения Господня, колокольня «Русская свеча», часовня обретения главы Иоанна Предтечи, а также храм (трапезная) Святого Филарета Милостивого.

Собор Вознесения Господня был построен в 1886 г. архитектором Ж.Б. Бизелли по проекту самого архимандрита Антонина. Его гробница находится в левом приделе собора. В храме хранятся почитаемые святыни – чудотворный образ Богоматери Елеонской Скоропо-

слушницы (Черниговской-Гефсиманской), полученный как пожертвование от русских паломников, и икона «Взыскание погибших».

Часовня обретения главы святого Иоанна Предтечи расположена позади храма Вознесения. Освящена в его честь на месте первого и второго обретения его главы. Часовня на этом месте существовала еще в IV в., но от первоначальной постройки сохранился лишь искусно сделанный мозаичный пол работы армянских мастеров. Главная ее достопримечательность – углубление в полу, в котором, по преданию, и была обнаружена голова Иоанна Предтечи, спрятанная служанкой. Чтимые иконы: Ростовские святые, Благоверный князь Всеволод и мученик Александр.

На восточном склоне горы Елеон, по дороге на Иерихон, расположилась деревня Вифания, в которой жили праведные Марфа, Мария и брат их Лазарь Четверодневный, которого воскресил Иисус Христос. Здесь же находился дом Симона прокаженного, где Спаситель трапезовал вместе с Лазарем и его сестрами после воскрешения Лазаря. Здесь Мария в знак благодарности помазала ноги Спасителя драгоценным миром (Мф. 26, 6—12; Мк. 14, 3—8; Ин. 11, 2; 12, 3—8).

На территории Вифании находятся гробница Лазаря, католический храм Воскресения Лазаря, греческий православный монастырь Марфы и Марии, русская Вифанская школа для арабских девочек. Школа, основанная в 1930-е гг. двумя сестрами-шотландками, принявшими православие, расположена на участке русского владения.

Монастырь посвящен встрече Марфы с Иисусом Христом (Лк. 10, 38) перед воскрешением ее брата Лазаря. Главная святыня обители – камень, на котором сидел Спаситель, когда Его встретила Марфа.

У подножия Елеонской горы, в Гефсиманском саду, расположился Гефсиманский монастырь с храмом во имя святой Марии Магдалины, находящийся ныне в ведении Русской православной зарубежной церкви. В нем устроен изящный пятиглавый храм во имя святой Марии Магдалины, возведенный по проекту архитектора Д. И. Грима в древнерусских традициях. Храм, освященный в 1888 г. – в год 900-летия Крещения Руси, был построен на средства русского императора Александра III в память о его матери – императрице Марии Александровне.

Церковь эта очень изящная, иконостас ее сделан из белого мрамора и бронзы, иконы написаны русским художником В. В. Верещагиным; в храме также хранится чудотворный образ Богородицы Одигитрии XVI в., привезенный из Ливана. Живописец Сергей Иванов написал для храма сцены из жизни святой Марии Магдалины: самый большой холст (над иконостасом) представляет Марию, протягивающую пасхальное яйцо римскому императору Тиберию.

Внутри церкви в ковчеге хранятся мощи святого Василия Великого, святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста, святой равноапостольной Марии Магдалины, мучеников Маманта, Харалампия и Кесария.

Но самая главная святыня этого храма почивает здесь с 1920 г., когда в этой церкви были похоронены преподобномученицы великая княгиня Елизавета Федоровна и ее верная келейница инокиня Варвара, замученные в июле 1918 г. в Алапаевске, под Екатеринбургом. Мощи их, перенесенные в Иерусалим в 1920 г., очень почитаются богомольцами. Летом 2004 г. часть этих святых мощей совершила путешествие по всей России, а также Украине, Литве и другим республикам бывшего Советского Союза.

Сам монастырь, основанный в 1930-е гг. двумя сестрами-шотландками, принявшими православие, как бы окружает церковь. На его территории сохранились ступени, по которым шел Иисус Христос во время входа в Иерусалим (проход к ним доступен не всем). Также есть камень, на который, по преданию, Богородица уронила Свой пояс, чтобы уверить апостола Фому в Своем вознесении на небо. На террасе чуть повыше установлена икона в честь этого события.

А на вершине Елеонской горы разместился кармелитский монастырь «Отче наш», основанный на месте, где Иисус Христос в пещере учил апостолов молитве «Отче наш» и где впоследствии была обнаружена каменная табличка с текстом молитвы. Храм здесь был построен равноапостольной царицей Еленой еще в IV в., но персы разрушили его в 614 г.; арабы в 1099 г. восстановили его, а крестоносцы в 1106 г. возвели на этом месте часовню. Монастырь «Отче наш» существует с 1886 г.; в монастырском храме и прилегающей галерее можно увидеть множество табличек с текстами молитвы на разных языках.

АББАТСТВО СЕН-ДЕНИ

К началу XX в. Сен-Дени, расположенный к северу от Парижа, был небольшим городком, заурядным и скучным. Но его собор был главным храмом монастыря, основанного еще в III в. святым Дионисием – просветителем Франции. Аббатство Сен-Дени располагалось в области Иль-де-Франс, являвшейся королевским доменом – наследным владением французских королей, а то время как другие области страны принадлежали различным феодалам. В первой трети XII в. король Людовик VI начал постепенно собирать французские земли; это продолжили его преемники, и к концу столетия образовалось централизованное государство.

Монастырь Сен-Дени, издавна служивший усыпальницей французских королей, сделался интеллектуальным и духовным центром, в котором вырабатывались идеи, освящавшие королевскую политику. Заслуга в этом принадлежала аббату монастыря Сугерию – другу и советнику короля Людовика VI, а затем и его сына – Людовика VII. Под руководством Сугерия в монастыре тщательно собирались (а порой и фабриковались!) доказательства преемственности власти французских королей от Карла Великого – первого императора Западной Европы. Создавался целый миф о королях Франции – наследниках Карла Великого.

Интерьер алтарной части церкви Сен-Дени

Этой же цели служил и культ святого мученика Дени (Дионисия) – небесного патрона Франции и личного покровителя короля. С IX в. в монастыре хранилось предание, что святой мученик Дени есть не кто иной, как Дионисий Ареопагит – ученик апостола Павла, считавшийся первым епископом Афин и автором мистических сочинений, относящихся к более

позднему времени⁵. К мощам святого Дени стекались тысячи паломников, которых привлекали еще и знаменитые ярмарки аббатства. Так что значение монастыря быстро росло, что, в свою очередь, потребовало возведения нового, более обширного храма, который бы удивлял современников и заставлял их чувствовать величие королевской власти.

В 1132 г. при знаменитом аббате Сугерии в Сен-Дени начали перестраивать старую церковь, возведенную еще в эпоху Каролингов – в 775 г. Через 100 лет башня базилики и часть нефа были разрушены грозой, и к началу XII в. возникла необходимость перестроить ее. Новая церковь должна была стать идейным и политическим оплотом Капетингов, к тому же она явилась одним из первых готических сооружений Франции и, как пишет в своем исследовании искусствовед Е.П. Ювалова, даже отправным пунктом развития всей европейской готики. Хотя само мероприятие это на первый взгляд не было таким уж грандиозным. Корпус старинной церкви, которая представляла собой довольно большое сооружение, оставили нетронутым, а заменили лишь восточную и западную ее стороны. Однако композиция этих частей храма, принципы соотношения архитектуры и скульптуры и прочие задумки были настолько кардинальными, что впоследствии воссоздавались несколькими поколениями зодчих.

В то время в европейской архитектуре господствовал романский стиль, творческие возможности которого еще не до конца были исчерпаны.

Иль-де-Франс в отличие от других французских местностей не имела в этом отношении прочных традиций и в романскую эпоху не дала ни одного значительного архитектурного ансамбля. Но именно это обстоятельство и обусловило своеобразный синтез архитектуры и декора церкви Сен-Дени.

Для возведения нового сооружения были использованы традиции самых разных областей Франции. Например, на витражное оформление церкви оказали влияние мастера Лотарингии, славившиеся искусством эмалей. В результате целенаправленного собирания отдельных черт романской архитектуры создавался новый тип храма, воплощавший совершенно иные эстетические представления. Отличные от романского искусства, они сильнее воздействовали на разум и чувства верующих.

В целом отдельные части монастырского комплекса, соединенные вместе, представляли собой укрепленное сооружение – неприступное не только с виду, но и в действительности отражавшее вражеские набеги. К тому же Сугерий, вероятно, намеренно стремился повторить в новой постройке некоторые формы каролингской базилики, чтобы его не упрекнули в посягательстве на старое здание. Ведь прежняя церковь служила не только вместилищем реликвий, но и сама была своего рода реликвией, т. к., по преданию, ее построил Карл Великий, а освятил Иисус Христос.

Но создание такого монастыря-крепости, способного защитить от возможного нападения врагов, было оправданно в ту беспокойную эпоху, когда велись междоусобные войны и не утихла война короля с феодалами.

Строительство храма велось под непосредственным наблюдением и при самом деятельном участии аббата Сугерия. Он сам нанимал мастеров, изыскивал материалы для строительства, разрабатывал иконографию для убранства храма. Аббат был человеком не только энергичным и честолюбивым, но и эстетически одаренным: прекрасно чувствовал образную новизну возводимого храма и старался максимально достигнуть ее. Торжественное освящение храма состоялось 14 июля 1144 г. в присутствии короля Людовика VII, королевы Элеоноры Аквитанской, знатных вельмож, многочисленных французских и английских епископов и архиепископов и сопровождалось перенесением орудий Страстей Христовых и мощей святого Дени и других святых из крипты на многочисленные алтари, воздвигнутые в капеллах и посреди церкви.

---

⁵ Исторически это предание ничем не подтверждается.

Целых 7 лет трудились ювелиры и золотых дел мастера над изготовлением 7-метрового, богато украшенного Распятия. До нашего времени оно, к сожалению, не сохранилось, однако Сугерий со свойственной ему тщательностью подробно описал, как оно выглядело. Распятие представляло собой сложный комплекс со множеством изобразительных элементов. Сказалась в нем и любовь аббата к роскоши и тонкости обработки драгоценных материалов. Оно было воздвигнуто у входа на хоры – над тем местом, куда, по преданию, дошел святой Дени, держа в руках свою отрубленную голову. Основание креста украшали фигуры евангелистов и сцены из жизни Спасителя. Крест и фигура распятого Иисуса Христа были выполнены из золота, заднюю часть креста украшали многочисленные геммы и драгоценные камни. На Распятие было помещено ожерелье королевы Матильды – супруги короля Дагоберта, основателя церкви Сен-Дени.

Крест должен был напоминать паломникам о реликвиях Страстей Христовых, которые хранились в аббатстве со времен Карла Лысого, о древности королевской власти во Франции и т. д.

Новая церковь, возведенная святым Людовиком, в течение последующих веков не раз перестраивалась, однако король Луи Филипп возвратил зданию его первоначальный вид. Но на протяжении столетий облик церковного фасада постепенно искажался и обеднялся. В XVI в. его скульптуру повредили гугеноты, бросавшие в статуи камни.

В 1771 г. все статуи порталов и рельеф южного тимпана были вообще упразднены; тогда же исчезли и каменные балки со скульптурными фризами под тимпанами, а центральный портал лишился центрального столба, украшенного статуей святого Дени. Через 20 лет переплавили бронзовые двери порталов с эмалевыми пластинами, на которых были изображены сцены из Ветхого и Нового Заветов. Впоследствии архитектуре фасада нанесли урон и неквалифицированные реставрации. Так, в 1830–1840 гг. архитектор Депре восстановил верхние ярусы и шпиль северной башни, пострадавшей от молнии, из слишком тяжелого камня. Из опасения, что башня рухнет, ее пришлось вообще разобрать.

Следует учитывать и то, что за прошедшие века уровень почвы перед фасадом церкви поднялся более чем на два метра, из-за чего порталы оказались укороченными и потеряли свою прежнюю легкость. Из оконной живописи храма до настоящего времени сохранилась лишь большая розетка с библейскими сюжетами на фасаде XIII в.

НАЧАЛО МОНАШЕСТВА В ЕГИПТЕ

Сущность иноческой жизни составляют три обета – целомудрия, послушания и добровольной бедности. Напомним, что цель их – отрешение от мира с его удовольствиями, чтобы дать освобождение духу и телу и всецело посвятить себя служению Богу. Монашество, как удаление от мира для всецелого служения Богу, своим появлением обязано христианству, внесшему в жизнь народов начала самоотверженной любви, до той поры неведомой миру. Если и было у язычников и иудеев что-либо подобное аскетизму, то оно не носило характера истинного христианского любомудрия. Преподобный Нил Синайский говорил о нем так: «И далеки от него и иудеи, и эллины, отвергнувшие Премудрость, сошедшую с небес, и покусившиеся любомудрствовать без Христа, Который Один и делом, и словом указал истинное любомудрие».

Желавшим достигнуть высшей степени нравственности Сам Иисус Христос указал на девственную жизнь, на полную нестяжательность, удаление от мира и родных, на отречение от своей греховной воли и подчинение себя воле Божьей. В Евангелии от Матфея сказано об искании прежде всего «Царствия Божьего и правды его» (т. е. указано на все то, что отличает христианских подвижников и ставит их выше христиан, живущих в миру).

Трудно богатому войти в Царствие Божье; высок идеал, поставленный Спасителем, осуществляемый Им и Его учениками. Иисус Христос призывал к самоотречению и говорил, что не было «среди рожденных женщинами» человека выше Иоанна Крестителя, который был суровым аскетом, истязавшим свою плоть одеждой из верблюжьей шерсти и питавшимся акридами и диким медом. И Сам Иисус Христос удалился в пустыню и постился 40 дней, избрав себе плотские страдания.

В Древней Церкви «аскетами» называли тех христиан, которые особенно ревностно служили Богу, пребывали в непрестанной молитве и отличались подвигами поста и воздержания. Иногда аскеты удалялись в пустыню, но особенно часто это стало происходить только со второй половины III в., когда император Декия возвел на христиан жестокие гонения. Многие из них бежали в пустыни, чтобы по слабости своей человеческой природы не отречься от Христа. По словам Иеронима, апостол Иаков был «так свят, так праведен и постоянно девствен», что Иосиф Флавий считает разрушение Иерусалима войсками римского императора Тита следствием его умерщвления.

Аскеты в истории христианства появились рано. Уже в конце I в. в римской общине некоторые христиане добровольно воздерживались от брака или супружеских отношений. Игнатий Богоносец (ученик апостолов, умер ок. 107 г.) увещевал всех, кто может хранить в честь Тела Господня целомудрие и девство. И по свидетельству писателей того времени, много мужчин и женщин сохранили целомудрие до глубокой старости.

Икона Павла Фивейского

А в начале II в. среди христиан было уже много аскетов, которые принимали на себя обязательства особо строгой и благочестивой жизни, хотя и без постоянных обетов. Постепенно их аскетическая жизнь преобразовалась в целую систему, особенно когда в Церкви усилилось влияние платонизма, стремившегося удалиться от мирских забот, чтобы достигнуть подобия божественного покоя. Если простым верующим позволялось заниматься обычными мирскими делами, то люди, возвышенные духом, должны были посвящать себя продолжительным молитвам и размышлениям, ограничивая свои естественные потребности.

Одинокие аскеты, стремившиеся к совершенству, останавливались на привычном для себя идеале аскезы, думая не о других, а о спасении своей души. Они искали в христианстве то, что уже жило в них самих.

Кое-где аскеты стали обособляться в отдельные группы: в аскетерии (общежития) или бродячие товарищества. Они уже удалялись от мира, хотя еще и находились в нем. Девственная и благочестивая жизнь первых христианских аскетов находила столь многих последователей, что апостолу Павлу приходилось даже разъяснять важность и святость христианского

брака, а также рассеивать неправильное представление о нем. А в Апостольских правилах даже ограничивалось неумеренное подвижничество: мужи апостольские поощряли подвижническую жизнь христиан, только если те правильно понимали ее. Святой Игнатий Богоносец в своем послании к Поликарпу, епископу Смирнскому, писал: «Кто может в честь плоти Господней пребывать в чистоте, пусть пребывает без тщеславия. Если же станет тщеславиться, то погиб».

Монашество стремится обетом целомудрия победить плотские удовольствия, нестяжательство не дает увлечься сокровищами, послушание смиряет гордыню житейскую, чтобы победить искания суетной славы. Чтобы оторвать себя от земных связей и оградить от искушений, иноки избирали местом жительства пустыню, отчего их и стали называть «монахами» («уединенными»). Только в тишине уединения созревают высокие мысли и дух человека укрепляется для великих подвигов. Даже самые пристрастные к земным удовольствиям люди ищут отдыха в уединении, но в деле спасения душа только тогда начинает жить для Бога, когда мир для нее опустеет. Мысли в мире постоянно рассеиваются, а совесть и душа возмущаются.

Желая избежать земных соблазнов и гонений язычников (а то и просто по склонности к уединению), некоторые подвизались неподалеку от своих родных мест, где могли свободно предаваться созерцательной жизни и богомыслию. Так, епископ Иерусалимский Наркисс, на рубеже II–III вв. удалившийся в незнакомую пустыню, жил в ней так долго, что три епископа преемственно занимали его кафедру. Когда он возвратился на родину («как будто с того света»), по словам историка Евсевия Кесарийского, паства возлюбила его еще больше «за его отшельническую жизнь и любомудрие». В своей «Книге о палестинских мучениках» Евсевий Кесарийский упоминает о многих христианах, «которые, блуждая в пустынях и горах, погибли от голода и жажды, от холода и болезней, разбойников и зверей». Однако были пустынножители и невольные, опасавшиеся отречься от Иисуса Христа во время воздвигаемых гонений и жестоких истязаний.

Самые строгие отшельники совсем удалялись от людей и в самых необитаемых местах (а подчас и в совершенном затворе) проводили жизнь свою в беседах с одним только Богом. Были подвижники, которые в течение целых 30–40 (иногда и более) лет не видели ни одного человека. Другие жили по два-три человека неподалеку друг от друга и два раза в неделю (субботу и воскресенье) сходились для общего богослужения. По словам преподобного Кассиана, этот род монашеской жизни – очень древний, и существовал еще задолго до Павла Фивейского и Антония Великого. Третьи жили целыми обществами по определенному уставу, имея общими труд, трапезу и молитву. Но у всех было одно общее стремление – распять плоть свою с ее страстями и похотями, чтобы стать выше своей человеческой чувственности.

Спасавшиеся в пустынях при следующих гонениях удалялись в уже знакомые места, и некоторые оставались там уже навсегда. Некоторые христиане тоже чувствовали потребность в созерцательной и уединенной жизни, видя в ней лучшее средство для достижения нравственного совершенства. Такое стремление к уединению раньше всего начало проявляться в Египте, природа которого, тая в себе много загадок, располагала к созерцательной жизни.

Ко времени пришествия в мир Иисуса Христа в Египте сосредоточилась вся мудрость языческого мира. Центром, в котором сходились верования всех известных тогда народов, была Александрия. Верования эти соединились в общем умозрительном созерцании, в котором идеализм древних греков сочетался с мистицизмом египтян. А идеи неоплатонизма распространились здесь настолько, что были известны даже людям необразованным. Поэтому христианская философия и появляется впервые в Египте, чтобы объяснить человеческому разуму некоторые истины христианства и приблизить людей к пониманию тайн божественного Откровения.

Египет, ставший отечеством созерцательного богомыслия и созерцательной жизни, стал и колыбелью христианского монашества. Глубокое религиозное чувство христиан Египта, рев-

ность их в исполнении заповедей Божьих, мистический взгляд их воззрений, нравственное убожество живших рядом язычников – все влекло их к уединению. И многие действительно оставляли мир, удаляясь в пещеры, которых в Египте было множество. Но не все из них назывались монахами, только самые благочестивые – те, кто заимствовал образ жизни от апостола и евангелиста Марка, первого епископа Александрии.

В уединении пустынножители вели жизнь столь благочестивую, что изумляли язычников. Они «с таким усердием занимались чтением Священного Писания, молитвой и рукоделием, что и алкание не прерывало воздержания; разве уж на второй или третий день принимали пищу, и то не столько по желанию наслаждения, сколько по требованию нужды», – писал преподобный Иоанн Кассиан (писатель и инок IV–V вв., прошедший много времени среди египетских пустынножителей). Главной причиной, которая приводила к уединению, он называл утрату некоторыми христианами первоначальной, апостольской чистоты жизни. Стремление к иноческой жизни давно зрело в Египте, и нужен был только случай, чтобы эти желания обнуружились. Объяснение распространению монашества именно в Египте можно найти в особой силе слова Евангельского. Евсевий Кесарийский писал, что «нигде слова Евангельского учения, ни над кем не явили столько своей силы, как в Египте».

Однако первые монашествующие не могли основать отдельные общества вдали от городов, т. к. законы Римской империи не всегда терпели их и среди прочих-то жителей. Поэтому подвижникам первых веков христианства не нужно было удаляться от человеческого сообщества. Но они старались избегать общений с язычниками, не участвовали в их праздниках и увеселениях, на которых нередко проливалась кровь их братьев.

Но положение Церкви изменилось, когда по Миланскому эдикту 313 г. император Константин Великий прекратил гонения на христиан, которые получили свободу для отправления своих богослужений. Но они жили в Империи, законы которой, жизнь, обычаи, нравы, увеселения – все было проникнуто языческим духом. Общественная жизнь вступала в противоречия с началами жизни христианской, и уверовавшие в Иисуса Христа постепенно сами стали терять первоначальную чистоту апостольской жизни. Было немало примеров, когда одни только земные выгоды заставляли людей принимать веру Христову и вступать в общество христиан.

Но для всех истинно верующих открылся путь к благочестивой жизни, обширное поприще для подвигов самоумерщвления. Это был новый вид добровольного мученичества, истребления своих страстей и нечистых помыслов, постоянное очищение ума и сердца, ежедневное приношение себя Богу в жертву – чистую и живую.

В трудные и решительные минуты жизни, во времена великих испытаний человек чаще выходит победителем, нежели в ежедневных искушениях. Поэтому Кассиан называл иноков «новыми мучениками». Святой Иоанн Златоуст, сам украшенный всеми христианскими добродетелями, с неизъяснимым удовольствием вспоминал время, которое провел в монашеских обителях: «Я желал бы, чтобы не было нужды убежать в пустыни. Но поелику здесь все извращено, и самые города, несмотря на судилища и законы, полны нечестия и пороков, и только пустыня приносит богатые плоды любомудрия. По всей справедливости следовало бы порицать... тех, которые каждый город сделали до того недоступным и неспособным для любомудрия, что желающие спасения должны удаляться в пустыню».

Иноческая жизнь, начавшаяся в IV в., явилась продолжением подвига мученического. Что в первые три века совершили мученики, то в IV в. продолжили иноки, которые для мира христианского стали живым свидетельством святости веры Христовой и образцом высочайшей нравственности. Монашество разлилось по всему Египту.

«Не столь светло небо, испещренное сонмом звезд, как пустыня Египетская, являющая повсюду иноческие кущи. Кто знает древний оный Египет богоборным, беснующимся – раба каких-нибудь животных, страшившегося и трепетавшего перед огородным луком, тот вполне уверится в силе Христовой. Египетская пустыня лучше рая; там видим в образе человеческом

бесчисленные лики ангелов, сонмы мучеников, собрание дев. Увидим, что все тиранство дьявольское ниспровергнуто, а Царство Христово сияет. Увидим, что Египет – некогда мать и стихотворцев, и мудрецов, и волхвов, изобретший все виды волхвования и передавший оные другим, теперь хвалится Крестом».

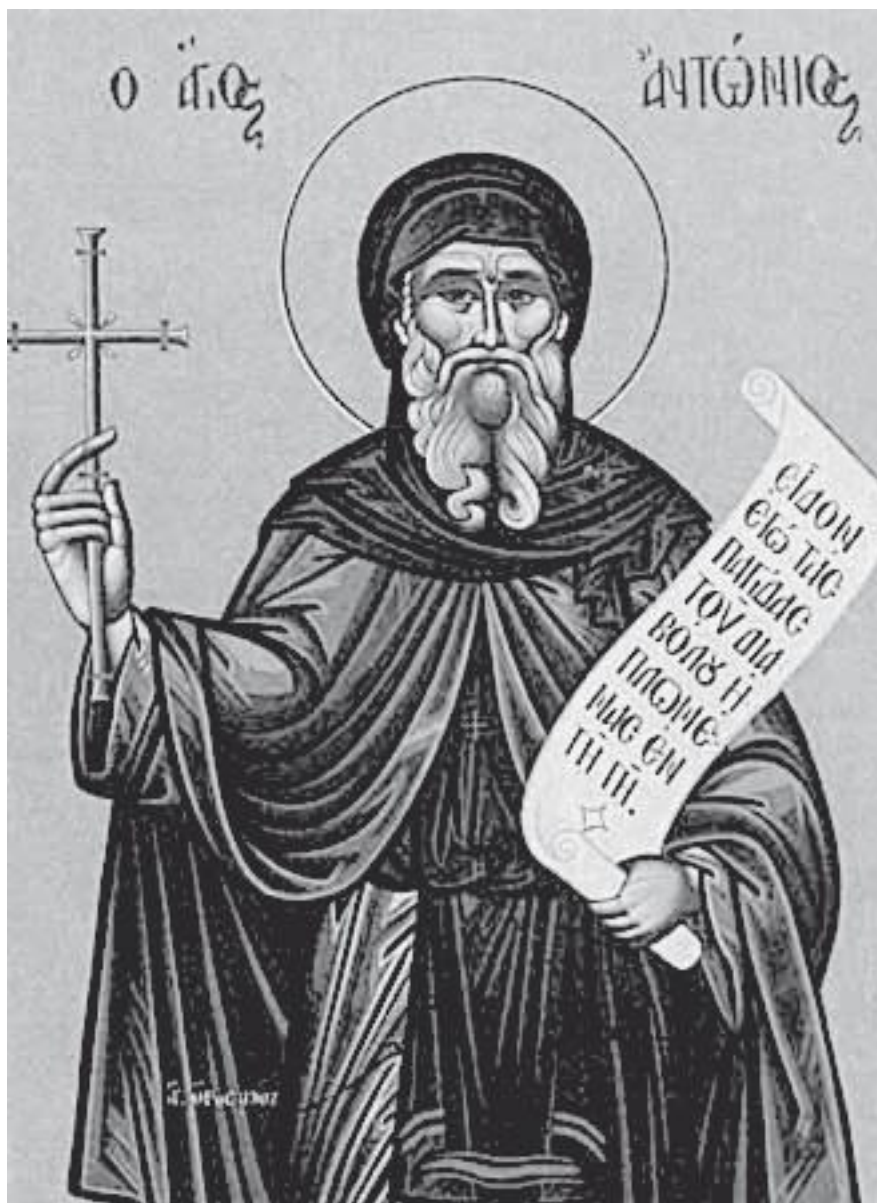
АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ МОНАШЕСТВА

Многие христианские аскеты хоть и удалялись от мира, но все же не прерывали связи с ним. Однако находились и более решительные люди, которые покидали свою семью и уходили в пустыню, считая, что союз человека с Богом священнее уз семейных и блага вечные дороже благ суетных. Временные привязанности и временные удовольствия являются препятствием на пути к вечному и небесному, приковывая ум и сердца человеческие к земному.

Первым христианским аскетом был преподобный Антоний Великий. Ко времени появления его в пустыне в христианском мире были как отдельные отшельники, так и целые киновии и общины монахов, удалившихся от мира. Но именно его называют «основателем монашества», «отцом монашества», «патриархом киновитов» и другими почетными именами. В «Письме к Евстохии о хранении девства» блаженный Иероним называл Антония Великого «учредителем» анахоретского образа жизни, т. к. именно от него такая форма монашества получила широкое распространение.

После смерти родителей 20-летний Антоний остался со своей малолетней сестрой, которую он должен был опекать. Но мысли об уединении и подвижничестве не покидали его, а смерть родителей только напомнила о кратковременности человеческой жизни и о необходимости уже на земле приобретать блага для жизни вечной. Антоний стал размышлять о святых апостолах, которые оставили все и последовали за Иисусом Христом; об уверовавших в Спасителя, которые продавали все свое имущество и вырученные деньги приносили апостолам на нужды христианской Церкви.

Антоний Великий

Вот с такими мыслями и пришел преподобный Антоний в храм, который всегда посещал, и вдруг услышал слова Господа, обращенные к богатому юноше: «Если хочешь стать совершенным, иди, продай все, чем обладаешь, и раздай полученное бедным... И приди, и следуй за Мной!.. Всякий, кто оставит ради имени Моего дом, братьев, сестер, отца, мать, жену или детей, или поля свои, получит за это сторицею и будет обладать жизнью вечной» (Мф. 19, 21). Эти слова глубоко потрясли душу молодого Антония, т. к. давали ясный и прямой ответ на волновавшие его вопросы. Обращение Спасителя к богатому юноше он принял за внушение свыше и отнес к самому себе.

Придя из храма, он подарил жителям своего селения все доставшиеся ему по наследству земли; все движимое имущество продал и деньги раздал нищим, оставив только немного для сестры. Но через несколько дней отдал беднякам и все остальное, сестру отвел в известную ему благочестивую обитель, а сам поселился недалеко от дома.

В то время монастырей в Египте было еще немного и иноки не знали Великой пустыни. Всякий, кто хотел подвизаться, уединялся недалеко от своего селения. «Если слышал он (Анто-

ний Великий. – *Н. И.*) о каком-либо рачителе добродетели, то шел отыскивать его, как мудрая пчела, и не прежде возвращался в свое место, как увидевшись с ним. Когда же получал от него как бы напутствия какие для шествования стезею добродетели, то уходил назад».

Уже на первых порах своего подвижничества молодой отшельник обратил на себя всеобщее внимание и за свою строгую жизнь и личные качества пользовался уважением окружающих. Но оставаясь в пустыне один, без руководителя, Антоний стал подвергаться искушению дьявола, и эти искушения были для него очень тяжелыми. Он начал вспоминать о сестре, об оставленном имуществе, о родных и друзьях, об удовольствиях мира, и избранный путь стал казаться ему слишком жестоким и продолжительным. Все это причиняло ему нестерпимые нравственные страдания, но никакие искушения не отвлекли Антония от подвижничества. Причину же временной слабости он видел в недостаточной суровости своих подвигов и потому еще больше усилил их.

Но гораздо тяжелее были для Антония искушения невидимого врага, возбуждавшего суетные мысли и греховные желания. Стремясь победить это искушение, он стал искать более уединенного места, чтобы совсем удалить себя от мира с его соблазнами. В Египте в то время было множество фамильных гробниц – величественных и попроще, потому что египтяне разных сословий очень заботились о загробной жизни. Погребальные пещеры небогатых людей не поражали своей массивностью и великолепием, но все же и они были достаточно обширны, тщательно отделаны и часто украшены живописью.

В одну из таких гробниц и удалился Антоний, наглухо закрыв за собой дверь. Через определенные промежутки времени один человек, с которым Антоний договорился заранее, приносил ему хлеб. Но и уединенная гробница не освободила преподобного Антония от тяжелых и мучительных искушений. Напротив, в гробовой тишине полутемного склепа они стали еще сильнее, греховные образы мира и его чувственные соблазны представлялись ему ярче и заманчивее; изнемогавший в борьбе с плотью дух на каждом шагу видел козни дьявола, принимавшего облик женщин, животных, великанов или черного отрока, называвшегося духом блуда. Антонию казалось, что целые полчища врагов восстают на него, и тогда он взывал к Господу: «Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих» (Пс. 117, 7). В уединенной гробнице преподобный Антоний провел 15 лет. В борьбе с плотскими страстями и внутренней борьбе часто доходил он до искушения, но не возвратился в мир, хотя он и представлялся ему из темноты гробницы таким привлекательным.

К концу этого периода своей жизни Антоний Великий настолько окреп нравственно и так приучил свое тело довольствоваться малым, что решил отправиться в безлюдную пустыню, чтобы в ней устремиться к высшему совершенству. Он переправился на восточный берег Нила и, найдя там одно запустевшее укрепление, продолжил свои подвиги. Место, избранное преподобным Антонием, было пустынным и диким, что как нельзя лучше соответствовало его желаниям. Это была Фиваидская пустыня, которая отделяла Красное море от плодородных долин Нила. В этом укреплении преподобный Антоний заперся, запасшись хлебом на 6 месяцев, вода же находилась внутри ограды. Он никуда не выходил и ни с кем не общался, все время проводя в строгом подвижничестве; только два раза в год принимал через ограду хлеб.

И чего только не вытерпел он в течение долгих лет! «Поистине достойно удивления, что один человек, живя в дикой пустыне, не боялся ни ежедневных нападений дьявола, ни свирепости бесчисленных зверей, ни вреда от пресмыкающихся животных... Часто приходилось ему терпеть голод и жажду, холод и зной», – писал святой Афанасий Великий. И все же этот период был для святого Антония уже не столь тяжелым, как 15 лет, проведенных в гробнице. Искушения не так сильно смущали его, подвиги не утомляли, как раньше, а часто случавшиеся горние видения доставляли утешение и возбуждали на новые подвиги. Освободившись от внутренней борьбы с самим собой, преподобный Антоний стал с большей свободой предаваться созерцанию, думать о Боге и Его благом промысле, о мире с его соблазнами, о жизни земной и небес-

ной, о назначении человека и его обязанностях по отношению к Богу. Так в дикой Фиваидской пустыне у святого отца рождались глубокие мысли, которые впоследствии стали неисчерпаемым источником нравственного назидания для его многочисленных последователей. Правда, уединенная жизнь не спасала совсем от искушений плоти, да и душу преподобного Антония иногда колебали соблазны и сомнения. Иногда он и тосковал, представляя множество скорбей и искушений, которым подвергается человек. Так, ему казалось несправедливым, что одни люди живут до глубокой старости, а другие умирают молодыми; одни богаты, а другие бедны; люди нечестивые благоденствуют на земле, а благочестивые бедствуют. Господь не оставил верного раба Своего, и однажды преподобный услышал голос: «Антоний, себе внимай. А то – суды Божии, и тебе нет пользы испытывать их». После усердной молитвы преподобный Антоний успокаивался и убеждался в том, что правда Божья неизмеримо выше правды человеческой и в тайны промысла Божья никто проникнуть не может.

В полном одиночестве Антоний Великий провел долгих 20 лет: заградив вход в свою пещеру, он только через небольшое отверстие беседовал с приходившими к нему. В его полуразрушенную крепость, окруженную на несколько десятков километров песками, приходили Александрийский епископ Афанасий и языческие философы (чтобы поспорить с человеком «некнижным» и даже не учившимся грамоте); ему писали письма император Константин Великий и его сыновья.

Но настало время, когда он должен был стать руководителем для других. Усиленные просьбы многочисленных ревнителей благочестия, желавших под его руководством подвизаться для Бога, заставили преподобного Антония выйти из затвора. Он открыл к себе доступ в то время, когда в Египте и странах Востока свирепствовали жестокие гонения, воздвигнутые на христиан императором Диоклетианом. Число учеников преподобного Антония быстро возрастало, и вскоре безлюдная пустынь стала похожа на город, в котором процветали правда и благочестие. Одни из пустынников объединились в общину, другие рассеялись по пустыне и жили отшельниками, но все они находились под руководством Антония Великого, который увещевал их своим примером.

Преподобный Антоний не давал внешних правил для жизни иноческой, заботясь главным образом о внушении своим ученикам живого благочестия. Когда братия стала просить у него устав для монашеской жизни, он предложил им простое и мудрое поучение:

«Для познаний всех правил жизни достаточно Священного Писания. Но великую пользу принесет и то, если братии будут утешаться взаимными поучениями. Посему вы мне, как отцу, говорите, что знаете; а я вам, как детям, поведаю многолетние опыты. Да будет первым и общим для всех правилом не ослабевать в предпринятых подвигах, но постоянно, как бы начиная, приумножать доброе стяжание, ибо настоящая жизнь очень кратковременна в сравнении с вечною. В здешней жизни обмен между людьми бывает равный. Но будущая жизнь обещается нам за дешевую цену. За 80, много 100 лет жизни обещается царство бесконечное, блаженство вечное. Итак, чада, не предавайтесь унынию или тщеславию, ибо сказано, «что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас» (Рим. 8, 18).

Монахи шли к преподобному Антонию по влечению собственного сердца, чтобы подвизаться для спасения души и чтобы в подвигах своих следовать советам мудрого старца. Если и было здесь подчинение, то чисто нравственное, которое каждый из иноков налагал на себя добровольно. Таким образом, старчество (духовное руководство старцами молодых иноков) применялось в монастыре Святого Антония очень рано.

Принятие в монашество он не обставлял никакими обрядами: нужно было только, чтобы ищущий иночества искренне желал бы подвизаться и был бы к этому способен. В монастырях святого Антония было принято, чтобы в каждой келье жили не более двух монахов (а лучше

один), т. к. келья должна была стать главным местом духовных подвигов инока и, как темница, отделять его от соблазнов мира.

Внешняя обстановка монашеской жизни под руководством преподобного Антония была очень проста и даже сурова. Уединенное жилище инока представляло собой пещеру – естественную или вырытую руками иноков. Пища монахов тоже была простой – в основном хлеб и вода, иногда еще зелень и овощи. Но и эта скудная еда принималась в малом количестве – только чтобы поддержать жизнь. О каких-либо излишествах или изысканности не могло быть и речи.

Одежду монахи носили тоже самую простую и бедную. В первое время по своей форме она не отличалась от обычной одежды тех времен, и только с течением времени составилась полный список обязательных для монаха одежд. Сохранилось предание, что первым ввел в употребление монашескую одежду инок Патермуфий. На пришедшего к нему юношу он надел левитон, кукуль и милоть и перепоясал его. Но нужно еще раз напомнить, что сам преподобный Антоний не стеснял учеников своих внешними правилами и предписаниями и не требовал обязательного ношения монашеской одежды⁶.

Все монахи находились в безусловном подчинении своему авве. Повиновение иноков духовным отцам-руководителям вменялось преподобным Антонием в непрерывную обязанность каждому иноку как необходимое условие для получения от Бога необходимой духовной силы. Большую часть времени иноки проводили в посте и молитвах: бдение над собой и молитва ставились преподобным Антонием главным основанием подвижничества. Он всегда призывал учеников своих бодрствовать над собой, не лениться и не предаваться унынию. Бодрствование монахов состояло в постоянных мыслях о смерти и Страшном Суде, сердечном сокрушении о грехах своих и непрестанной молитве Богу. Свободное от духовных подвигов время посвящалось труду, чтобы поддержать свое скромное существование. Сохранилось предание о том, как однажды Антоний увидел кого-то, сидящего за плетением веревки и прерывающего работу молитвами. Это был ангел Господень, посланный для наставления Антония. И ангел сказал ему: «И ты делай так, и спасешься». Антоний очень обрадовался и с того часа все свободное от молитв время посвящал труду.

Иноки возделывали землю, на которой выращивали пшеницу и овощи, из финиковых и пальмовых ветвей плели корзины и рогожи.

Отношения иноков между собой строились на взаимной любви и согласии. Не было там ни притеснителя, ни притесненного, а только духовная «радость, соревнование о преуспевании и взаимное утешение друг друга верою». Всех объединяло общее стремление к добродетели, и потому нравственное совершенство каждого инока было предметом забот всей монашеской общины.

Хотя подвиги иноков были суровыми, преподобный Антоний никогда не требовал от подвижников невозможного и не напрягал чрезмерно сил братии. К согрешившим и кающимся относился с всепрощающей любовью⁷. Приведем несколько отрывков из «Наставлений о доброй нравственности и святой жизни» Антония Великого.

Человеком должно называть или того, кто умен, или того, кто принялся исправлять себя. Неисправного не должно называть человеком, потому что это (неисправимость. – *Н. И.*) есть дело не человеческое. От таковых должно бегать. Сживающиеся со злом никогда не будут в числе бессмертных (т. е. блаженным бессмертием).

---

⁶ Впоследствии устав святого Пахомия Великого строго требовал ношения определенной одежды, благодаря чему иногда приписывают введение монашеской одежды именно Пахომием Великим.

⁷ Когда святой Антоний Великий скончался, его похоронили рядом с источником, к которому он спускался из своей пещеры, а над могилой поставили часовню. Первый христианский монастырь, основанный преподобным Антонием, носит его имя и существует до сих пор.

Люди обычно именуются умными по неправильному употреблению этого слова. Не те умны, кто изучили изречения и писания древних мудрецов, но те, у которых душа умна; которые могут рассудить, что добро и что зло, и злого и душе вредного убегают, а о добром и душе-полезном разумно радеют и делают то с великим к Богу благодарением. Эти одни поистине должны именоваться умными людьми.

Умным людям не нужно слушать всякого рода беседы, но только те, которые приносят пользу, которые ведут к познанию воли Божьей, ибо она есть путь, которым люди опять возвращаются к жизни и свету вечному.

Нет никакой пользы изучать науки, если душа не будет иметь доброй и богоугодной жизни. Причина же всех зол есть заблуждение, прелесть и неведение Бога.

Свободен тот, кто не рабствует сластям (чувственным удовольствиям), но господствует над телом посредством рассуждения и целомудрия, и с полной благодарностью довольствуется тем, что подает ему Бог, хотя бы того было очень умеренно.

Не то грех, что делается по закону естества, но то, когда по произволению делают, что худшее. Вкушать пищу не есть грех, но грех вкушать ее без благодарения, неблагоговейно и невоздержанно. Не грех просто смотреть, но грех смотреть завистливо, гордо и ненасытно. Не грех слушать мирно, но грех слушать с гневом; не грех заставлять язык благодарить и молиться, но грех позволять ему осуждать и клеветать. Не грех утруждать руки подаванием милостыни, но грех позволять хищение и убийство...

У человека нет ничего честнее слова. Слово столь важно, что словом и благодарением мы чтим Бога. Употребляя слова непотребные или бесчестные, обличаем непотребство души своей. Несмысленному человеку свойственно за грехи свои винить рождение свое или другое что, когда самопроизвольно употребляет он худое слово или делает что дурное.

Будем ревновать и доброй и благочестивой жизни не ради человеческой похвалы, но изберем добродетельную жизнь ради спасения души, ибо каждодневно видится смерть пред глазами нашим, – и все человеческое ненадежно.

Жизнь есть соединение и сочетание ума (духа), души и тела; а смерть есть не погибель этих частей, а расторжение их союза; все это Бог хранит и по расторжении.

Ум есть не душа, а дар Божий, спасающий душу. Богоугодный ум течет впереди души и советует ей презреть временное, вещественное и тленное, а возлюбить блага вечные, нетленные и невещественные, так чтобы человек, живя в теле, умом созерцал и представлял небесное и Божественное».

ТАВЕНСКИЕ ОБИТЕЛИ ПАХОМИЯ ВЕЛИКОГО

В предыдущей главе говорилось, как важно было пробудить ревность и усердие к иноческой жизни, но не менее важно было дать такие правила, которые могли бы укрепить стремление людей к богоугодной жизни, сделать ее постоянным навыком. Большая часть монашеских правил была дана Пахомием Великим, собственная жизнь которого явилась прекрасным образцом наставничества иноков. Преподобный Антоний Великий говорил Закхею (ученику Пахомия Великого):

Вначале, как я стал монахом, не было ни одной киновии для воспитания других. После того, как отец ваш устроил это благое дело при помощи Божьей, еще прежде его хотел учредить то же другой, по имени Аот, но поелику не от всего сердца старался о том, то и не получил желаемого. Великую услугу оказал он (Пахомий Великий. – *Н. И.*), собрав такое множество братий.

Бывший солдат, еще до принятия христианства Пахомий Великий стал аскетом. Испытав на собственном опыте, как опасно молодому подвижнику жить одному, он решил ввериться мудрому старцу и пошел к отшельнику Палемону, подвизавшемуся в Фиваидской пустыне. У дверей кельи Пахомий молил, чтобы тот допустил его жить рядом с собой, но Палемон отвечал: «Ты слишком молод и не сможешь жить со мной. Многие приходили ко мне, полные решимости вести жизнь подвижническую, но, изнуренные трудами, уходили назад. Я питаюсь только хлебом с солью, масла и вина у меня никогда не бывает; большую часть ночи, а иногда и всю ночь привык я проводить в молитве и богомыслии». Но Пахомий и дальше стал упрашивать старца, пока тот не принял его.

Пахомий Великий

Вместе они стали подвизаться в молитве, пении псалмов и посте, вместе вязали власяницы. Трудом своим добывали хлеб не только себе, но еще и беднякам помогали. Когда же усталость склоняла их ко сну, старец отправлялся с учеником своим на гору. Там они перетаскивали песок с одного места на другое, чтобы приучить себя бодрствовать и ночью, когда надо молиться. «Бодрствуй, Пахомий, – говорил Палемон, – чтобы враг рода человеческого не искусил тебя и не лишил плода трудов». Под строгим руководством воспитывался Пахомий: умерщвляя плоть свою постом, он более всего радел о смирении и чистоте душевной и телесной.

Подле горы, где жили Палемон и Пахомий, была пустыня, поросшая дикими травами и терновником. Пахомий часто ходил туда за дровами: острые иглы кололи его босые ноги, но он терпел, вспоминая о гвоздях, которыми был распят Иисус Христос. Иногда он останавливался и молился наедине, и сердце его разгоралось тогда такой любовью к Богу и ближним, что ему хотелось обнять весь мир и всех привести к Господу.

Однажды Пахомий далеко отошел от своего жилища и достиг Тавенны – места, лежащего на берегу Нила. Здесь он долго и усердно молился, и вдруг послышался ему голос: «Поселись здесь и выстрой монастырь; к тебе соберется много иноков». А потом Пахомию явился ангел с медной доской, на которой были начертаны правила иноческой жизни. Он рассказал о своем видении Палемону, и они вместе осмотрели место. Старец посоветовал повиноваться голосу, Пахомий расстался с Палемоном и поселился в Тавенне, но духовный союз между ними не распался. Они поочередно навещали друг друга, пока Палемон не скончался на руках Пахомия.

Первым в пустынь к Пахомию пришел брат его Иоанн. Они тоже кормились только трудом рук своих, еще и бедным уделяли избытки. Одежду их составлял левитон, который они переменили только тогда, когда приходила пора мыть его. Под левитоном Пахомий носил еще власяницу. Спать он не ложился, а для сна садился в келье своей на камень, чтобы не прислоняться к стене. Иногда он вообще не смыкал глаз по несколько дней и даже просил Господа, чтобы Тот совсем освободил его ото сна.

Повинуясь голосу небесного вестника, Пахомий начал устраивать монастырь для будущей братии. Но Иоанн, любивший безмолвие, всячески препятствовал ему в трудах. Так, один возводил обитель, чтобы принять в ней многих; другой хотел, чтобы она была как можно теснее и безлюднее. Препятствия со стороны брата Пахомий переносил безмолвно, т. к. делал Божье дело, но внутри себя он не мог подавить чувство огорчения, которое сильно мучило его.

Только после смерти брата Пахомий мог свободнее приступить к устройению обители, но еще много искушений вынес он от духов злобы. Первыми учениками его были Псентезий, Сур и Псой; потом к ним присоединились другие, и среди них – 14-летний Федор, ставший впоследствии любимым учеником Пахомия.

Пока братий было мало, Пахомий на себя принимал все заботы о монастыре, чтобы ученики его, свободные от внешних обязанностей, усерднее бы совершенствовались во внутренней жизни. Даже для общей трапезы он все готовил сам, а также сам сеял и выращивал овощи. Пахомий старался быть слугой всем ученикам своим, чтобы они могли утешаться упражнениями духовными. Иноки не могли надивиться на его подвиги, на его любовь и смирение, умерщвление себя и смиренность духа, которые он сохранял среди непрерывных внешних дел и занятий. Так преподобный Пахомий учил собственным примером учеников своих, чтобы они со временем могли управлять другими, соединяя с созерцательной жизнью и работу.

Видя, что многие окрестные пастухи никогда не слышали Слова Божьего и не причащались Святых Тайн, он выстроил для них церковь, в которой они стали собираться по субботам и воскресеньям. Преподобный Пахомий учил их так просто и мудро, что даже самые неразумные быстро и живо воспринимали его слова. Многие из язычников после бесед с ним крестились, и молва о преподобном Пахомии разнеслась так далеко, что к нему пришло еще множество учеников.

Вместе они построили несколько домов, а в центре возвели церковь. Так возник первый монастырь Табенизи (до 328 г.). Когда он сделался тесным для умножившейся братии, преподобный Пахомий выстроил в пустыне Проу новый монастырь Бафуа, ставший главным⁸. А потом многие пустынники отдали свои монастыри под управление Пахомия Великого, и при жизни его общество Тавенское состояло уже из девяти монастырей. У каждого из них был свой начальник, называвшийся настоятелем (или игуменом), а иногда и экономом; вероятно, потому, что совмещались обе должности.

С умножением братии Пахомий Великий ввел в монастыре своем устав. По своему внешнему поведению настоятель должен был быть образцом строгости, осторожности, умеренности, точности и т. д. Он не должен был вступать в бесполезные разговоры и слушать их; не должен искать лучшей одежды, пищи и постели. В правилах Пахомия Великого было точно и определенно указано, чтобы настоятель не переступал границ своей власти, управлял бы без жестокости, не разговаривал бы высокомерно, остерегался пускать в душу свою гордыню и суетность, когда будет наставлять иноков. Смирение и любовь – вот две главные добродетели, которые Пахомий Великий требовал от настоятелей монастырей. Они должны были знать обо всех сомнениях и искушениях, которые будут возмущать душу иноков, утешать их в борьбе с ними; если же заметят на лице их печаль, должны выяснить причину ее. Если же не делают этого по недостатку любви или внимания, если сами причиняют скорбь брату своим неправильным поступком, то подвергаются наказанию и даже отрешаются от должности, пока не научатся большей любви.

О желающем вступить в монастырь извещают настоятеля, и тогда он поручает опытному старцу испытать искренность его желания. В течение 10 (и более) дней испытуемый вне монастыря должен повергаться на землю перед проходящими братьями и терпеть поношения, чтобы показать свое терпение и смирение. В эти же дни его учат молитвам и псалмам и тщательно испытывают: не от беды ли какой он пришел в обитель? Может ли отречься от родителей, отказаться от состояния?

Монахи в обители Пахомия Великого отказались от всякой личной собственности, носили одинаковую одежду. Жизнь их протекала в молитвах и труде – плетении, огородничестве и садоводстве; позднее иноки стали заниматься ремесленными работами. Развитие хозяйственной деятельности общежитий привело даже к некоторой дифференциации труда, и в одном из «Житий» Пахомия Великого называется целый ряд монахов, посвятивших себя определенному ремеслу: кузнецы, сапожники, земледельцы и др. Но труд в обители Пахомия Великого не являлся самоцелью; он рассматривался как служение Богу и должен был сопровождаться молитвой и молчанием.

Принятые в число братьев становились полноправными членами общежитий только после искуса и наставлений, даваемых опытными, «истинными» монахами. В каждой «лавре» монахи делились на декурии. Для каждой двадцати братий возводилось особое помещение, в котором они жили под надзором и руководством домоправителя, причем разделение монахов на декурии совпадало с разделением их по роду занятий. В общем доме у каждого была своя келья, двери которой всегда держали открытыми. Три-четыре дома составляли трибу, каждая из которых в течение недели выполняла общие монастырские работы, заведую церковью, кухней и т. д. Утром и вечером все собирались на общую молитву, по субботам и воскресеньям – на литургию. Три раза в неделю «старшие» наставляли братьев в вере и монашеской жизни, разъясняли им их недоумения. «Старшие» же руководили и чтением братьев, указывая, какие им следует брать книги из монастырской библиотеки, а также отвечали на возникшие после чтения вопросы.

⁸ Чуть позже преподобный Пахомий Великий основал две женских обители.

Таким образом, религиозная жизнь братии в обители Пахомия Великого определялась одинаковой для всех формой более, чем в лаврах и монастырях, живших по уставу Антония Великого. Этим был положен предел личной религиозной инициативе, и желающий спастись, вступая в монастырь преподобного Пахомия, признавал и установленный в нем образ жизни. Подчиняя свою волю монастырскому уставу, он мог проявлять свое религиозное рвение только в рамках, установленных традицией монастыря. Такая традиционная форма жизни, устраняя проявления возможного индивидуализма, сильнее влияла на среднюю массу вступающих, воспитывала их и не позволяла отступать назад.

Отдельные общежития не теряли связи друг с другом. Два раза в год все монахи должны были собираться в главном монастыре, настоятелю которого подчинялись «отцы» других монастырей. Узы эти были не только религиозными, т. к. все сработанное монахами доставлялось в Бафуа, где главный эконо́м распределял все между отдельными монастырями сообразно их нуждам. Излишки же отправляли в соседние города и даже в Александрию. Поэтому, несмотря на все старания преподобного Пахомия оградить монастырь от мира, связь эта постоянно крепла и развивалась.

Так, под неограниченной властью главного настоятеля жила крепкая и единая организация, к тому же монахи обеспечивали свое существование собственным трудом и торговыми отношениями с мирянами. В результате труд – нетвердый источник существования одиноких анахоретов и лавр – стал основой жизни в монастырях Пахомия Великого. Спасение души на собственный страх и риск заменилось спасением ее в определенных формах монастырской жизни, созданных сознательно и обдуманно. Жизни одинокого пустынного монаха была противопоставлена общежительная жизнь монахов. И в то же время монахи, продавая свои товары, были связаны с мирянами.

Мудрость наставлений преподобного Пахомия привлекала к нему пустынных из соседних стран, даже если они и не находились под его управлением. Но в духовных своих поисках они искали его помощи, за которой настоятели и других монастырей в затруднительных случаях обращались к угоднику Божию как к человеку, получившему небесное просвещение. Не только из Египта, но с Запада и из Армении приходили к Пахомию Великому, а из его монастырей много иноков заняли епископские кафедры.

Казалось, что благочестие обителей, так хорошо и прочно устроенных, будет сохраняться долго. Но велика слабость человеческая! И будущая печальная участь их обителей не сокрылась от преподобного Пахомия. Однажды во время молитвы открылось ему, что одни из его братьев окружены пламенем, из которого не могут выйти; другие так запутались в терниях, что они колют их со всех сторон; третьи стоят на краю пропасти и не могут отойти от нее. В другой раз, когда Пахомий молился о будущем обителей, перед его глазами предстал ров, наполненный иноками. Только начнут они подниматься, чтобы выбраться оттуда, как приходят другие и не выпускают их. Только немногих, которым с трудом удалось выбраться изова, сиял небесный свет. С рыданием упал преподобный на землю и стал громко звать: «Господи! Если такова судьба иноков, то зачем Ты захотел, чтобы была киновия и монастыри? Помяни завет Твой, в котором Ты обещал до конца сохранить сослужащих Тебе! Ты знаешь, что с тех пор, как я принял на себя иноческий сан, я смирялся пред Тобою, не вкушал досыта хлеба и воды». И услышал в ответ слова: «Не хвались, слабый человек, но проси прощения. Все держится Моим милосердием».

Пахомий упал на землю и стал смиренно молить о прощении, и явился ему Господь и сказал: «Семя твоё духовное не оскудеет до конца века. А из тех иноков, которые будут после тебя, многие выйдут из глубины мрачного рва и явятся высшими нынешних иноков, потому что без руководителей спасутся; иные спасутся через напасти и скорби, и явятся равными великим святым».

Пахомий Великий скончался от заразной язвы, которая распространилась в его монастырях. За довольно короткое время от нее умерли более 100 иноков, и сам Пахомий болел 40 дней, но всегда сохранял бодрое расположение духа. За два дня до смерти он созвал начальников и строителей всех монастырей своих и сказал им:

«Чувствую, что конец мой приближается. Будьте бодры в молитвах и рассудительны во всех действиях. Не имейте общения с последователями Мелетия, Ария, Оригена; сближайтесь только с теми, которые боятся Бога и могут принести вам пользу своей беседой, доставляя душам вашим истинное утешение. Изберите между вами человека, который бы правил вами по духу Божьему.

По желанию братии святой Пахомий назначил своим преемником Петрония, а любимому ученику своему Федору поручил попечение о ленивых иноках. А потом, оградив себя крестным знамением, со светлым лицом предал дух свой Богу. Скончался угодник Божий в мае 348 г., когда ему было 57 лет от роду; из них он 35 лет подвизался в монашестве.

После смерти преподобного Пахомия много бед претерпели его обители. И хотя в Египте, где основал он свои монастыри, сейчас почти нет и следа иноческой жизни, но правда его и наставления его живы до сих пор и в других странах руководят иноков к совершенству.

ПЕРВЫЕ ЖЕНСКИЕ ОБИТЕЛИ

В Египте, где началась и стала устраиваться по определенному уставу жизнь первых христианских отшельников, началось и правильное устройство иноческой женской жизни. В «Беседе четвертой на Евангелие от Матфея» святой Иоанн Златоуст писал:

«В стране Египетской можно увидеть Христово воинство, и чудное общество и образ жизни, свойственный горним силам. И это открыто можно видеть не только на мужчинах, но и на женщинах, ибо и они любомудрствуют не меньше мужей. Они не берут щитов и не садятся на коней, как повелевают славные греческие законодатели и философы, но вступают в иную, гораздо труднейшую брань. Ибо они, как и мужи, вступают в брань с дьяволом и властями тьмы; и в сей брани естественная слабость пола вовсе не служит им препятствием, ибо нужно судить о таких бранях не по естеству тел, но по произволению души. Посему и жены часто превосходили подвигами своими мужей и воздвигали славнейшие знамена победы».

Мария Египетская

Женщины-подвижницы были в Египте уже в то время, когда Антоний Великий начинал свою иноческую жизнь. Решив уйти в пустыню, он отдал сестру свою на попечение девственников, и когда пришел навестить ее в первый раз, то увидел ее уже начальницей и попечитель-

ницей других дев. Руководством для первого женского иночества был, конечно же, пример и наставления самого Антония. Так, в его поучениях о девстве говорится:

«Девственница не должна в себе питать чувств, приличных женам. Она должна удаляться нечистых мыслей, гордости и всего, что приятно дьяволу. Должна любить всех людей, убегая славы мирской; быть преданной Богу, обуздывать язык и строго хранить пост. Если все сие она будет исполнять, сделается чистою и Богоугодною жертвою. Если же девственница будет заботиться о роскошной пище и тщеславиться девством, то вместо славы подвергнется стыду. Если не будет обуздывать своего языка, то тщетно будет ее девство».

Святые жены, подвизавшиеся в молчании кроткого и терпеливого духа, оставили о себе немного сведений. И все же известно, что многие из них были отшельницами. Так, в Александрии и окрестностях ее было много девственниц, из которых одни жили вместе, другие в отдельных кельях. Многие отцы Церкви писали наставления и поучения для подвижниц, но Пахомий Великий, учредивший общежительство для иноков, стал учредителем его и для женщин.

У преподобного Пахомия осталась в мире сестра. Желая увидеть брата и лично убедиться в чудесах, которые о нем рассказывают, она пришла в Тавенну. Пахомий Великий, отказавшийся от мира и связей родственников, всегда избегал общения с женщинами. И когда сестра пришла повидать его, он через привратника велел сказать, что с нее довольно знать, что он жив и чтобы она возвращалась домой и не искала больше встреч с ним. Но, не желая совсем лишать ее спасительного совета, предложил ей последовать его образу жизни. Бог по ее примеру может привлечь других к святой жизни, и если ей угодно, он поручит братии выстроить для нее монастырь. Огорченная сначала суровым приемом брата, она с радостью приняла его предложение.

Преподобный Пахомий обрадовался скорой готовности сестры своей и повелел построить для нее монастырь недалеко от Тавенского – на другой стороне Нила. Вскоре она собрала вокруг себя других женщин, которые вверились ее руководству. А она учила их делами и советами, чтобы они, забыв о земном, прилеплялись бы к небесному.

Волосы они покрывали клобуком, который прикрывал и плечи их. Ручным рукоделием их была выделка льна и шерсти, которые закупал (как и все остальное, нужное для них) главный эконом Тавенского монастыря.

Первым настоятелем женского монастыря был инок Петр – муж престарелый и высокой жизни, умертвивший в себе все страсти. Священник и дьякон, назначенные им для служения, приходили только по воскресеньям. После смерти Петра правителем женских монастырей Мин и Бехре был назначен Епоних – тоже человек престарелый и святых правил.

Когда нужно было что-то построить в женском монастыре или оказать какую другую мужскую помощь, братии откликались, но в женскую обитель их приводил почтенный старец. Они не могли ни пить, ни есть у инокинь и в назначенный для отдыха час возвращались в свою обитель.

Никто из монахов Пахомиевых обителей не мог без позволения пойти в женский монастырь. Даже старцы, доставлявшие подвижницам все необходимое, входили только в сени, а не в дома инокинь. Если у кого-то из иноков были там сестра или мать, только в сопровождении старца испытанной добродетели он мог навестить их. Придя, он сначала спрашивал настоятельницу, а та призывала инокиню в сопровождении старицы, в присутствии которой инок мог разговаривать чинно и скромно. Он не мог ни дарить что-нибудь сам, ни получать что-либо от сестры своей, потому что ни тот, ни другая не имели собственности, которую могли дать. Новости мира не имели в их разговоре места, и беседовали они только о благочестивых предметах.

В монастырях Мин и Бехре подвизались и девицы, и вдовы. Здесь постриглись сестры Петрония – одного из первых учеников преподобного Пахомия и его преемника в управлении

Тавенскими обителями. Когда инокиня умирала, ее приготавливали к погребению и приносили на берег Нила. Иноки из мужского монастыря переправляли усопшую на свой берег, держа в руках пальмовые и оливковые ветви, и с пением псалмов хоронили в своих гробницах.

В житиях первых христианских подвижниц рассказывается об Исидоре, которая по редкому смирению и самоуничтожению казалась юродивой и безумной; никогда не носила куколь, а покрывалась ветхой повязкой. Служа в поварне, она исполняла любое послушание для всех сестер; сама за трапезу никогда не садилась, не брала для себя и куска хлеба. Никто из сестер не видел, чтобы она ела; питалась же Исидора крошками, которые собирала со стола, и остатками в сосудах, которые мыла. Обуви никогда не носила.

Другие сестры иногда над ней смеялись, но она ни единым словом не показывала своего ропота, сама же никого не обижала. Святость этой отшельницы была открыта преподобному Питириму, которого однажды начали одолевать помыслы тщеславия. И представший перед ним ангел сказал: «Для чего превозносишься своими подвигами? Ступай в женский Тавенский монастырь и найдешь там женщину в повязке. Она лучше тебя, ибо подвизается среди многлюдства; служит всем и, хотя все ее осмеивают, сердцем никогда не отступает от Бога. А ты, сидя здесь и никогда не живши в мире, блуждаешь мыслями по городам».

Преподобный Питирим пошел в женский монастырь, но когда собрались все инокини, не увидел среди них той, которую искал. Ему отвечали, что привели всех, кроме одной безумной, которая сидит в поварне. И он повелел привести и ее. Исидору привели насильно, так как сама она не хотела идти. Увидев ее, Питирим пал ей в ноги и просил: «Благослови меня, мать»; она же упав в ноги, сама просила у него благословения. «Авва, не срами себя – она ведь безумная», – говорили инокини. «Вы – безумные, – отвечал старец. – А она лучше вас и меня. Она – мать ваша, и я молюсь, чтобы оказаться равным ей в день Страшного Суда».

Услышав такие слова, инокини с плачем повалились на землю и просили Исидору простить их за прежние насмешки и оскорбления. Но через несколько дней после ухода преподобного Питирима святая Исидора, не терпя славы и почестей, которые ей стали оказывать, тайно удалилась из монастыря. И никто не знал, куда она скрылась и где окончила жизнь свою...

Кроме монастырей Тавенских было воздвигнуто еще много обителей в верхней и нижней Фиваиде. В одном из таких монастырей жизнь была столь суровая, что инокини не употребляли масла и не ели никаких плодов, а питались только травами и бобами без всякой приправы. Менее строгие из них принимали такую пищу только раз в день – вечером, другие же ничего не ели по 2–3 дня. Постелью для них служила власяница – очень короткая и узкая, посланная на землю. Одеждой служила такая же власяница, только длинная. Из монастыря сестры не выходили, трудясь по мере сил своих. Если кто-то из них заболел, то они не прибегали к лечению, предоставляя все воле Божьей.

Эту обитель часто посещала Евпраксия – вдова богатого сенатора Антигона, бывшего в родстве с императором Феодосием Великим. Она хотела поделиться с обителью своим богатством, но предпочитавшие бедность инокини не брали приношений, а только благовония для курений в церкви, свечи для освящения и масло для лампад.

Настоятельница не раз беседовала с 7-летней дочерью вдовы – тоже Евпраксией, которую та часто брала с собой. И через короткое время девочка была облачена в храм в иноческую одежду, которую приняла с радостью, как дар Небесного Жениха. Евпраксия старшая поселилась возле монастыря и проводила жизнь, подобно подвижницам: не употребляла ни масла, ни рыбы и только по вечерам вкушала немного овощей. Однажды ей было открыто в видении, что наступает время ее кончины. Юная Евпраксия очень горевала при мысли, что остается сиротой, но мать утешала ее, говоря, что ей нечего бояться, когда ее Отцом и Женихом является Иисус Христос. Последним наставлением матери было такое: «Старайся исполнить то, что ты обещала Богу. Бойся Бога и люби сестер. Не мысли себе, что ты – царского рода и они должны служить тебе, но сама служи всем со смирением. Будь бедной на земле, чтобы получить богат-

ство на небе. Тебе принадлежит все мое имение, отдай его монастырю и молись за отца и за меня, чтобы мы удостоились милосердия у Бога».

Евпраксии было 12 лет, когда скончалась ее мать, но девочка старалась подвизаться подобно взрослым сестрам. Сначала она принимала пищу только раз в день, а потом один раз в 2–3 дня и наконец только раз в неделю. Со смирением и даже охотой она исправляла самые низкие работы в монастыре, никогда не жаловалась на тяжесть и непосильность работ, забыв о своих юных годах и своем происхождении. Желая испытать послушание Евпраксии, настоятельница велела ей перенести на другое место груды камней, которые с трудом могли переворачивать две сестры. Но девочка даже не подумала, что это выше ее сил, так она спешила исполнить приказание. И делала это впоследствии не единожды...

Любимая и уважаемая всеми сестрами, Евпраксия и сама любила всех – даже тех, кто доставлял ей неприятности. Когда в сонном видении настоятельнице было открыто, что через 10 дней Евпраксия скончается, та с трепетом приняла это известие. Зная только свои немощи, она с горькими слезами просила настоятельницу испросить для нее у Бога еще только один год жизни, чтобы можно было покаяться. Настоятельница стала призывать Евпраксию к твердости и преданности воле Божией, а между тем у той открылась горячка. Ее внесли в церковь, где весь день с нею попеременно сидели сестры. Скончалась Евпраксия на 30-м году жизни.

Так подвизались в Египте святые жены. Когда в Александрии было воздвигнуто гонение на христиан, злоба врагов Иисуса Христа пала и на девственников. Их подвергали поруганию, истязаниям, убивали и даже не позволяли погребать погибших. Таким образом, «золотой век» египетского монашества продолжался недолго, а начавшаяся в VII в. арабская экспансия и вовсе прервала традиции преподобных Антония и Пахомия.

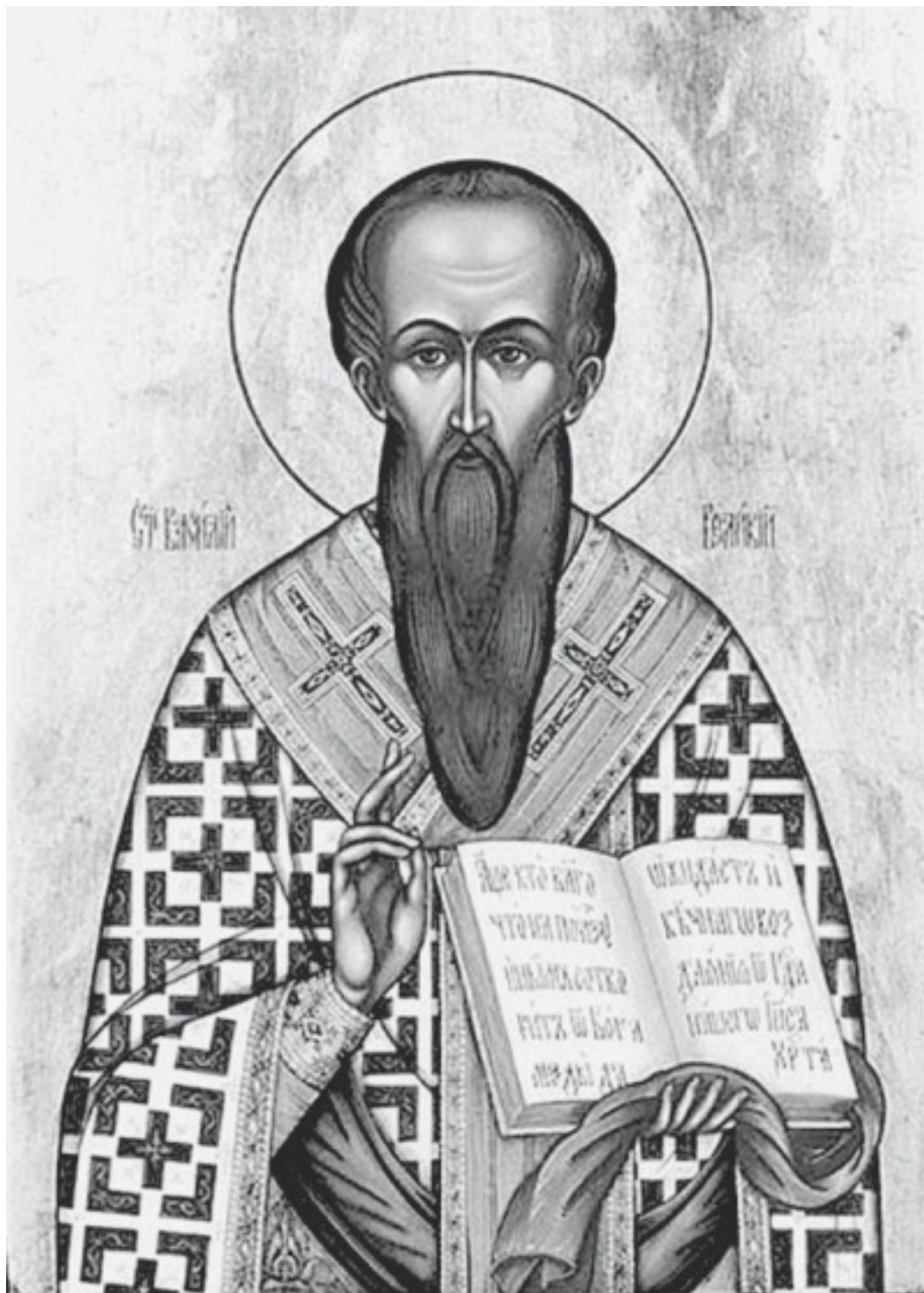

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ – ПАТРИАРХ ВОСТОЧНЫХ МОНАХОВ

Василия Великого, епископа Кесарийского, Церковь считает истинно евангельским епископом. Народу он был отцом, бедным и бедствующим – другом, в вере – непреклонный, в благотворении – неистощимый. В богослужении в день его памяти (1 января) говорится, что святой Василий Великий собрал в себе добродетели всех святых: «кротость Моисея, ревность Илии, исповедание Петра, богословие Иоанна». «Великий из великих учителей» православия, «одна улыбка которого была похвалой, а молчание укоризной». Его милосердие простиралось на всех – на христиан, на иудеев, на язычников, и вся жизнь святого Василия Великого была выполнением апостольской заповеди – «радоваться с радующимися, плакать с плачущими».

Святой Василий никогда и ничего не делал наполовину, и когда он решил предать себя Богу, то отдался своему решению всецело и вполне сознательно. Монастыри тогда были еще неизвестны в Малой Азии, и он отправился в Египет, чтобы своими глазами посмотреть на монашеские общежития в пустыне. Изучив жизнь в египетских, сирийских и палестинских пустынях и на основании собственного подвижнического опыта, он составил идеал христианского подвижника. И захотел прийти на помощь каппадокийским и понтийским одиночкам, создав для них правила истинного монашеского жития.

Василий Великий

Из своих странствий Василий Великий вынес два плодотворных убеждения: что люди не должны жить в полном одиночестве и что им необходимы определенные правила, чтобы удерживать самобичевание и умерщвление плоти в разумных границах. Он остановился на киновии как самой совершенной форме иночества.

Вернувшись из Египта, святой Василий Великий поселился в Аннези – живописном и уединенном месте на берегу Ириса. Оно было богато водой и лесом, и здесь, при небольшом усилии со стороны человека, произрастали всевозможные плоды. К тому же оно было очень

спокойно, и Василий Великий даже захотел завершить здесь свой земной путь. Отрешившись от всех забот житейских, он проводил жизнь, подражая подвигам тех великих людей, которых видел в Египте и Сирии.

В Аннези святой Василий вел жизнь весьма суровую, из имущества оставил только одежду, которую носил на себе. Днем это были туника и плащ, а ночью – во вретище. Спал на голой земле, но часто бодрствовал и в ночное время; питался только хлебом с солью, запивая его водой. Занятиями его были труд и размышления.

Необходимы были крепкая вера и даже религиозный энтузиазм, чтобы переносить такие тяготы: «хижину, лишенную кровли и дверей; очаг, лишенный огня и дыма; стены, высушенные зноем; грязь, среди которой они (монахи. – Н. И.) жили и которая капала на них так, что они уподоблялись Танталу, жаждавшему воды». Но Василий Великий говорил о жизни в Аннези с большим воодушевлением, а цель монашеской жизни видел в спокойствии духа, чтобы устремлять свои взоры на то, что более всего нужно человеку, и не рассеиваться на мирские заботы, добывание средств к существованию, суетные споры и т. д. Василий Великий не вполне сочувствовал и пустынножителям, которых считал слишком себялюбивыми и углубленными только в себя, а потому лишенными братского примера и взаимного исправления и не имеющими возможности проявлять и упражнять высокие чувства сострадания. И он обратил внимание на живших неподалеку от него пустынников, которые подвизались в уединении, никак не связанные друг с другом. Он решил их собрать вокруг себя и объяснить, как невыгодна отшельническая жизнь и какую пользу может принести кинувший житейское – как для них самих, так и для других.

Прежде всего, он объяснил им, что жизнь отшельническая хоть и имела своих знаменитых представителей, но это было исключением. Поэтому она не может быть правилом для всех вступающих на путь служения Богу. Как разные члены в организме человека не могут жить сами по себе, так и в одинокой жизни человек не может приобрести то, что не имеет: не может сделать благо другому и т. д. «Поэтому Создатель и определил, чтобы мы имели нужду друг в друге и через то вступали друг с другом в единение».

Разумные и убедительные поучения Василия Великого привели к тому, что он недолго оставался один и вскоре вокруг него собралось много отшельников. Времена были тяжелые, даже страшные: военная служба была трудной, в городах и деревнях царили нищета и бедность. Сирот и детей родственники сами приносили в святые обители и отдавали на воспитание монахам. Да и богатые люди отпускали своих рабов, чтобы те вели иноческую жизнь. Слава о высоком подвижничестве и мудрых советах Василия Великого разнеслась далеко по округе, и вскоре многие потянулись к нему для беседы духовной, а кто-то оставался у него навсегда.

Впрочем, следует отметить, что монашеству сочувствовали не везде, и языческие писатели (в частности, Зосим) говорили, что для блага бедных монахи низвели на степень нищеты большую часть человечества. Даже христиане спрашивали, почему монахи не могут жить чистой и счастливой жизнью в мире, подобно многим священникам и епископам? На это Григорий Назианзин (друг святого Василия Великого) отвечал небольшой притчей:

– Ласточки смеялись над одинокой жизнью лебедей и над тем, что они так редко поют, тогда как они, ласточки, щебечут в городе над каждым домом.

– Легкомысленные создания! – возразили им лебеди. – Чтобы слышать наше пение, люди готовы идти даже в пустыню, ибо мы уносимся далеко при дыхании зефира. Мы поем немного и для немногих, но мы любим настоящую музыку и не смешиваем ее с болтовней и шумом.

Мало-помалу в Аннези вокруг Василия Великого собралось большое число подвижников и образовалась обитель. Руководство монастырем и всей собравшейся братией он взял на себя. Когда братии было немного, он руководил ими своим примером и частными наставлениями. Когда же число послушников стало умножаться, он говорил им и общие поучения, в

которых подробно толковал о монастырской жизни. Из поучений Василия Великого до нас дошло четыре – и все под названием «Слово о подвижничестве».

Когда стали устраиваться монастыри (как мужские, так и женские) в городах и других обитаемых местах, советы и инструкции Василия Великого своим монахам сделались на всем христианском Востоке правилами монастырской общины. Желая испытать себя в жизни иноческой он советует прежде всего приучить себя терпеть скорби духовные и телесные, чтобы, не обнаружив в себе сил противостоять испытаниям, не возвратиться со стыдом к тому, от чего бежал. Если же такие «беглецы» для успокоения своей совести говорят, что они и в миру могут угождать Богу добрыми делами, то Василий Великий это мнимое угождение Богу считает невозможным.

«Кто в жизни безгрешной, по ее неразвлеченности, не имел сил выдержать борьбу с врагом, тот в жизни многогрешной и им самим управляемой – без всякого руководства со стороны мудрого и опытного наставника – может ли преуспеть в какой-либо деятельности?»

К тому же некоторые, слишком высоко ценя свой ум и привыкнув к своеволию, не одобряют монашеский обет послушания, потому что он (по их мнению) унижает один из величайших даров Божьих – свободу воли. Убедая тех, кто хочет посвятить себя иноческой жизни и отречься от собственной воли, Василий Великий советует:

Если по благодати Божьей... найдешь учителя добрых дел, наблюдай за собой, чтобы не делать тебе чего вопреки воли учителя. Ибо все, что делается без него, есть некое хищение и святотатство, ведущие к смерти, а не к пользе, хотя бы дело твое казалось тебе добрым».

Во втором «Слове о подвижничестве» Василий Великий разъясняет, каким должен быть монах в келье и вне ее. Так как мы, говорил он, поработанные страстями своими, утратили общение с Богом, то возвращение к блаженной жизни в Боге возможно только при достижении совершенного бесстрастия.

Употребим попечение свое на то, чтобы душа наша никогда не обладала бы никакой страстью, а напротив того, чтобы мысль наша при нападении искушений оставалась непоколебимой и чтобы через то соделались мы причастниками Божьего блаженства».

Более всего достижению бесстрастия отвечает девство, но Василий Великий говорит также, что девственная жизнь не в том только состоит, чтобы воздерживаться от плотских желаний. Весь образ жизни и нравы должны стать девственными.

Можно и словом сблудить, и оком прелюбодействовать, и слухом оскверняться, и в сердце принять нечистоту, и неумеренностью в пище и питье преступить законы целомудрия. Поэтому... будем внимать себе, чтобы, поступая в чем-нибудь недостойно обета, не подпасть одному суду с Ананией»⁹.

Единственная цель религиозной жизни, согласно «Правилам» Василия Великого, – работать для собственного спасения. «Все, что может вести к этой цели, должно быть соблюдаемо со страхом, как заповедь Божья... Монах, который часто выходит и переходит из монастыря в монастырь, мало-помалу теряет сосредоточение своих мыслей и набожность и погибает в грехах. Между тем случается иногда, что выход, позволенный кстати (вовремя. – *Н. И.*), возбуждает новое усердие к новым подвигам».

По «Правилам» Василия Великого монашеству и работы приличны такие, которые не нарушают сосредоточения мысли и внутреннего спокойствия, не ведут к опасному и бесполезному хождению в монастырь женщин и других светских лиц. К тому же в производстве вещей следует ограничиться предметами простыми, недорогими и никогда не возбуждающими человеческих страстей. Если ткуются материи – пусть они будут самыми обыкновенными, а не такими, чтобы привлекать взоры молодых людей.

---

⁹ Анания, пообещав свое имение Богу, не исполнил обет, за что и подвергся праведному суду Господа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.